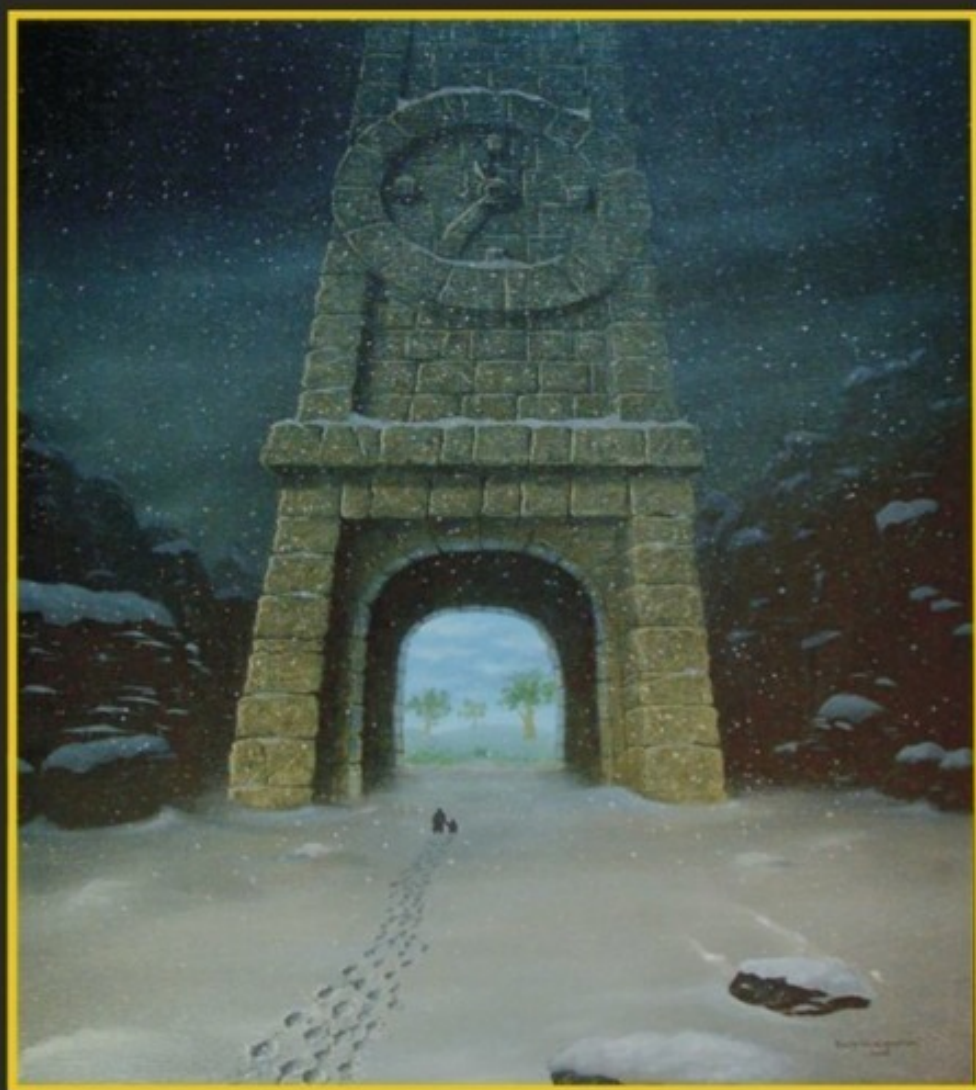

СОБРАНИЕ КУЛЬТОВОЙ МИСТИКИ

СЕРГЕЙ ДУБЯНСКИЙ

ЕГИПТЯНКА

Сергей Дубянский

Египтянка

«Издательские решения»

Дубянский С.

Египтянка / С. Дубянский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839940-4

В сборник вошли лучшие из ранних произведений автора. В большинстве из них ещё ощущается память о спокойных годах «застоя» с их мистикой душевных исканий, но в «Египтянке» и «Любви со второго взгляда» уже чувствуется жёсткое влияние наступившей Перестройки.

ISBN 978-5-44-839940-4

© Дубянский С.
© Издательские решения

Содержание

Египтянка	6
Максимально приближенное к боевому	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Египтянка

Сергей Дубянский

© Сергей Дубянский, 2017

ISBN 978-5-4483-9940-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Египтянка

Андрей уже отвык созерцать окрестности с высоты Камазовской кабины. Его «пятёрка» позволяла усмотреть трещины в асфальте, отдельные листочки, составляющие блёклое панно увядающей лесополосы, и даже порой угадывать содержимое кучек мусора, оставленного отдохавшими водителями. Зато сейчас вернулось знакомое состояние настороженности и тревоги, когда недопустимо отвлекаться на такие мелочи, как природа. Дорога стала казаться ровной и гладкой, без единого изъяна; деревья, вроде, сделались меньше, а не успевшая окончательно пожухнуть и почернеть трава стелилась вдоль шоссе ровным полотном цвета хаки. Андрея возбуждало, давно канувшее в прошлое, состояние опасности, непроизвольно рождавшее галерею навязчивых картин, которые преследовали его с садистской методичностью на протяжении всех прошедших с той поры лет. Причём, с каждым годом они, как ни странно, становились всё ближе и яснее...

...Со стороны такого мирного, лирически печального леса ударила автоматная очередь, срезавшая двух пацанов, возникших на обочине, словно ниоткуда. Один из них упал и замер, обхватив руками живот, прижав чёрную курчавую голову так, что стал похож на большую запяную. Другой ещё бежал, но, в конце концов, тоже упал, отчаянно воя и катаясь по земле, пока очередные выстрелы не заставили его замолчать и успокоиться навсегда...

Андрей мотнул головой, отгоняя проклятое наваждение, и КамаАЗ, будто пронесся мимо этого странного, совершенно немотивированного миража. Фигурки совсем других пацанов, весело смеющихся и абсолютно реальных, остались позади. Андрей привык, что подобные сценки могут возникать в сознании совершенно неожиданно, без видимых ассоциаций и поводов, поэтому давно сжился с постоянным ожиданием очередного надвигающегося кошмара, противоестественного и ирреального. Но он-то знал, что это не бредовые фантазии, а кусок его жизни, и отделял её от сегодняшнего дня какой-то несчастный десяток лет.

По сторонам замелькали однообразные в своей черноте поля, с жёлтыми мазками запаханной в землю соломы. Скучный и безликий пейзаж не вызывал желания вглядываться в него пристальнее и не рождал никаких мыслей. Только двигатель ревел так надсадно, что даже валявшийся на «спалке» магнитофон слышался еле-еле, добираясь до ушных раковин лишь ритмичным стуком ударника. Стало тоскливо от отупляющего рева, поглотившего всё вокруг – вроде, мир за окном, потеряв способность звучать, умер безвозвратно.

Андрей закрыл глаза. Спать не хотелось, хоть и выехали они в пять утра, а сейчас время близилось к вечеру. *...Хотя нет, до вечера ещё далеко – успею даже заехать в офис и переложить в сейф деньги, чтоб не таскать в общественном транспорте...* В принципе, никому и в голову не могла бы прийти мысль, какая сумма скрыта за черными боками старенького потертого кейса, но Андрей на собственном опыте знал, что в жизни бывает ровно столько случайностей, сколько ошибок мы допускаем, пытаясь предвидеть возможно развитие событий. Может быть, потому он и выжил в той дурацкой войне, что понял – пуля иногда попадает совсем не в того, в кого целится снайпер.

Водитель закурил – Андрей ощутил это по горьковатому дыму, поползшему по кабине. Когда-то он и сам курил достаточно много, но в один не слишком прекрасный день вдруг почувствовал, что взбегает к себе на пятый этаж без прежней легкости, а сердце бьётся как-то слишком натружено и дыхание неприятно учащается. Может быть, дело было в возрасте, всё-таки сорок пять – это уже не двадцать, но ему не хотелось так думать. Гораздо приятнее всё списать на пагубное действие никотина. Никто не верил, что он, прикуривавший очередную сигарету, пока предыдущая выпускала в пепельнице последний голубоватый вздох, сможет «завязать» в одночасье. Но он завязал, причём, не прибегая, ни к кодированию, ни к всевозможным щадящим методикам. Просто взял и бросил, решив, что должно быть именно так. С того момента

прошел год, и сейчас он с недоумением вопрошал себя, зачем требовалось столько лет изображать из себя «огнедышащего дракона».

Водитель был гораздо моложе Андрея. Ещё выезжая в рейс, он пытался завязать беседу на животрепещущие для дальнбойщика темы запчастей, солярки и плечевых девочек, тоскливо стоящих на трассе в ожидании «любви». Андрей не поддержал разговора, отвечая односложно и без всяких эмоций. Беседа сама собой сошла на нет. Даже во время разгрузки они не разговаривали, стоя рядом и молча наблюдая, как грузчики, не спеша сбрасывают на землю плоские белые тюки, а потом, словно муравьи, тащат их в чёрное чрево склада.

Теперь они ехали обратно. Ехали уже несколько часов в том же привычном молчании, снимавшем тяжкую задачу общения.

Андрей открыл глаза, почувствовав, что КАМАЗ сбавил скорость. После черноты полей, словно по мановению волшебной палочки, возникли добротные белые домики, и вереница женщин, удобно устроившихся на складных стульчиках возле ведер с картошкой, луком и ярко-красными яблоками. Машины, не останавливаясь, двигались дальше, но это не смущало торговков – они смеялись, что-то оживлённо обсуждая между собой.

...Нормально, – решил Андрей, – через час будем в городе...

Он снова закрыл глаза, мысленно подсчитывая в очередной раз, сколько им удалось заработать с этого рейса. На протяжении пути он делал это не единожды, неизменно получая один и тот же результат, но занять мозги всё равно больше было нечем. К тому же, довольно приятно ощущать, что это не просто абстрактная цифра, а выражается она в тугих плотных пачках, аккуратно уложенных в кейсе.

Куда употребить свою долю – этот вопрос возникал у него после каждой поездки, но почти всегда оставался без ответа, поэтому пухлые пачки рублей превращались в тонкие пачки долларов и намертво оседали в хранилище одного из банков, где он, опасаясь квартирных краж, уже почти год арендовал ячейку.

Андрей считал себя человеком непритязательным. Его устраивала однокомнатная квартира, деньги на которую он заработал на «той» войне; устраивала машина, приобретенная в весьма плачевном состоянии у незнакомого пожилого мужчины. Ещё на авторынке Андрей прочитал в его глазах, что авария, так изуродовавшая машину, произвела на него неизгладимое впечатление, и больше он вряд ли когда-нибудь сядет за руль.

Сам Андрей не боялся, ни смерти, ни искореженного металла, и к тому же тогда ещё работал как раз на станции техобслуживания. Кажется, это было ужасно давно, в какой-то другой жизни, а фактически, прошёл всего год. Именно тогда он познакомился с Ириной. Само знакомство можно назвать мимолётным, как и все его отношения с женщинами, но оно, в отличие от остальных, сыграло большую роль. У Ирины оказалась подруга, у которой, в свою очередь, имелся муж Володя, пытавшийся начать свой бизнес и искавший достойного компаньона. «Достойный», в его понимании означало, что компаньон не должен быть умнее и хитрее самого Володи, не должен стремиться обокрасть его, не должен лезть в хитросплетения контрактов и коммерческих переговоров, и за это получал бы строго оговоренный процент с заработанных денег. Ещё он должен быть твердым и решительным, чтоб принять на себя ответственность за определенные решения, в том случае, если сам Володя терялся и интеллигентно уходил в сторону. Сокращенный из армии боевой майор как нельзя лучше подходил на эту роль.

Андрей прекрасно понял своё место, свои задачи и вполне осмысленно согласился с новым положением. Тем более, этот род деятельности сулил такие деньги, о которых он не мечтал, ни в армии, ни в автомастерской. Только на «той» войне платили больше, но у него пропало желание стрелять по живым мишеням; видеть, как они умирают, и воспринимать это в качестве обычной рутинной работы. Иногда, правда, в нём вспыхивали искры беспричинного гнева, и тогда он чувствовал – окажись в его руках АКМ!.. Но он старался давить в себе подобные порывы и как следствие, появлялись они все реже и реже.

– Приехали, командир, – весело объявил водитель.

Андрей протёр глаза. Наверное, он всё-таки задремал, раз не почувствовал, как КамАЗ остановился и облегченно выпустил воздух из пневмосистемы.

Они стояли в двух шагах от старого пятиэтажного дома, в котором Володя снял квартиру под офис. В сущности, назвать это помещение офисом было трудно, потому что всю обстановку составляли стол и три облезлых стула, оставшиеся от прошлых хозяев. Недвусмысленно вытертые обои чётко показывали, где раньше стоял диван, а где кресло, в котором кто-то когда-то подолгу смотрел телевизор, упираясь локтем в стенку.

Нежелание делать ремонт и покупать новую мебель Володя объяснял тем, что скоро они переберутся в один из утративших былую значимость проектных институтов, фасады которых последнее время запестрели вывесками всевозможных коммерческих структур и фондов. Вот, там всё будет серьезно и по-настоящему.

Перспектива посидеть в мягком кресле за красивым столом Андрея не прельщала (он привык работать и в худших условиях) – его вполне устраивало то, что здесь имелся телефон, факс и компьютер, которые в комплексе полностью обеспечивали работоспособность фирмы, а живые посетители приходили к ним редко. Кто ж поедет из какого-нибудь захолустного райцентра, чтоб лично посмотреть на полипропиленовые мешки, одинаково белые, шуршащие и отличающиеся только ценой? Для всех этих сахарных заводов и мукомолок они лишь неприятная мелочь, без которой невозможно реализовывать собственную продукцию.

– Спасибо, – Андрей отсчитал необходимое количество купюр и легко выпрыгнул из кабины, – если что, позвоню.

– Мы всегда, – улыбнулся водитель, пряча деньги.

Зайдя в подъезд, Андрей услышал пронзительный телефонный звонок – таким противным голосом обладал только их аппарат. Пока он шёл к двери, телефон ещё продолжал звонить, но трубку никто не снял. Что Володя уехал на поиски новых клиентов и вернётся лишь послезавтра, Андрей знал, но Вика-то должна была находиться на месте. Они, собственно, и взяли её, чтоб отвечать на звонки и записывать информацию в их отсутствие; причём, платили неплохую, по общегородским меркам, зарплату.

Ещё на фирме имелся бухгалтер-совместитель из одной солидной строительной компании, появлявшийся в офисе только в момент составления квартальных балансов. Даже подписывать платёжные документы Володя ездил к ней в просторный кабинет, отделанный светлыми панелями, с точечными светильниками на потолке и телевизором в углу. Андрей посетил его всего раз и сразу решил, что иметь такой кабинет можно от избытка, либо средств, либо честолюбия.

Телефон смолк, так и не дождавшись ответа. Андрей, на всякий случай, пошарил по карманам, хотя прекрасно помнил, что не брал ключ от офиса, чтоб не рвать карман его острыми гранями. Да и зачем таскать его в другой город, если секретарь должна находиться на рабочем месте до пяти часов?

Для очистки совести, Андрей несколько раз нажал кнопку звонка и медленно спустился вниз. Уселся на лавочке у подъезда, поставил кейс на землю и плотно сжав его ногами, устремил взгляд в другой конец двора, где между домами то и дело возникали цветные пятна двигавшихся по улице автомобилей.

...Подожду – может, отошла за кофе или за сигаретами. По-моему, курить и пить кофе – её основное предназначенье в этой жизни... нет, еще причёсываться и красить ногти... За другими занятиями Андрей Вику практически не видел, хотя, справедливости ради, следует заметить, что сам бывал в офисе не каждый день, да и надолго не задерживался.

Прошло десять минут.

...Это все Володькина инициатива, – подумал Андрей неприязненно, – взял смазливую соплячку. Наверняка, трахает её, но работа-то здесь причём? Может, это звонил клиент,

который хотел купить тысяч сто мешков, а теперь найдёт их в другом месте. Я б посадил сюда аккуратную бабулю, которая, при своей скудной пенсии, пахала б и пахала!.. А Вика на панели больше заработает... так нет, Вовку бабуля не устраивает – ему нужны ноги из-под самых коренных зубов...

Через двор прошёл мальчик с рюкзачком на плече, жуящий жвачку так смачно, что изо рта вылезали блестящие розовые пузыри, а лицо у него было глупое и довольное. Мужчина с толстым, перекормленным ротвейлером на поводке скрылся в подъезде соседнего дома. Женщина лет тридцати вышла из их подъезда; остановилась, похоже, соображая, куда идти. Её лицо выглядело совершенно растерянным, словно она заблудилась среди пяти тополей, тесной кучкой сгрудившихся посреди двора. Она стояла так близко, что Андрей мог легко разглядеть каждую складку её потертой кожаной куртки, но делать этого не хотелось – слишком невзрачным показалось ему это существо. Он перевёл взгляд в дальний конец двора – туда, где уже потемневшие окна скрывали чужую, недоступную жизнь. Пустые окна... хотя, нет – пустые окна выглядят совсем не так...

Андрей прикрыл глаза – сразу, будто из тумана, возникла площадь. Разграбленный магазин с разбитыми витринами; улица, перегороженная бронетранспортёром, и столик на углу, экспроприированный в ближайшем кафе с разбитой, нечитаемой вывеской. За столиком сидел человек в камуфляже и кроссовках; склонив голову на бок, он что-то писал. Рядом стояли люди, молча переминаясь с ноги на ногу, готовые в любую минуту покинуть совсем недлинную очередь и скрыться... но куда?

Справа зияло пробоинами и искорёженными окнами солидное, в прошлом административное, здание – видно, что его долго расстреливали в упор из танков и гранатометов. У дверей «Скорая помощь», в которую грузят накрытые тряпкой носилки; рядом парень в джинсах и голубой штатской рубашке, но с автоматом на плече суёт в машину сумку с буханкой хлеба и пучком зеленого лука. Скорее всего, сумка принадлежала лежавшему на носилках телу... Звуки почему-то отсутствовали, хотя Андрей прекрасно знал, что буквально в двух кварталах танки с сине-желто-красными флагами, кореза асфальт, двигаются по улице, и их гул непременно должен быть слышен на площади. На броне сидят вооруженные люди с белыми повязками на рукавах; они бездумно палят из автоматов, поливая свинцом окрестные дома; дождём сыплются оконные стёкла. Все эти звуки тоже должны были быть слышны, но Андрей радовался, что «громкость выключили», ведь иначе в общий фон вплелись бы ещё женский плач, стоны и крики раненых...

Он с трудом, словно просыпаясь, открыл глаза. Наверное, прошло всего мгновение, потому что двор ничуть не изменился, и даже растерянная женщина стояла на том же самом месте, только теперь она смотрела на него испуганно и удивлено. Андрей тяжело моргнул, и она облегченно вздохнула, убеждаясь, что с ним ничего не случилось, а потом быстро пошла прочь. Андрей смотрел вслед, и что-то знакомое почудилось в её удаляющемся облике. Хотя нет, он не мог её знать – скорее всего, просто видел когда-нибудь, заходя в офис. Глубоко вдохнул сухой осенний воздух, принесший из дворов запах листьев и дым костра. Это окончательно возвращало мир реальности. Андрей взглянул на часы – прошло уже полчаса, а Вика не появлялась.

...Действительно, чего приходит, если до конца работы осталось всего ничего... Поднявшись, Андрей взял кейс; проверил замки (будет совсем глупо, если на остановке из него вдруг повалятся пачки денег) и не спеша направился навстречу автомобильному потоку пёстрой лентой вившемуся позади домов.

Нельзя сказать, чтоб он злился. Злость, в его понимании, подразумевала бурные эмоции, выражающиеся в криках, ударах кулаком по столу; может быть, даже мордобое, но обязательно это было что-то временное, уступающее место, либо раскаянию, либо сладостному торжеству победы. В данном случае, ему не хотелось никому набить морду. Он тихо ненавидел, понимая,

что, скорее всего, ничего не сможет изменить в ситуации. Обязательно будет найдена причина Викиного отсутствия, и Володя сочтет её достаточно веской, чтоб закрыть тему; потом они вдвоем с Викой будут объяснять ему, что ничего страшного не произошло, а то, что в это время кто-то звонил, ерунда – кому надо, перезвонит ещё раз. Он никогда не сможет убедить их в обратном, потому что слов для этого не найдёт – не учат в нашей армии красноречию. Там не требуется никого убеждать, а достаточно показать количество и величину звезд на погонах, чтоб сразу оценить, чьи аргументы более весомы.

Кстати, возможно, поэтому Андрей не любил общаться с женщинами – они не могли оценить величины звезд, а сыпали словами, причём, так быстро и бестолково, что угнаться за ними становилось просто невозможно. А ещё в их арсенале имелось такое изощренное оружие, как слезы. И что он мог противопоставить всему этому? Ничего. В этом он убедился ещё по окончанию училища, когда молодым лейтенантом получил предписание на юг Читинской области – в такую глухомань, куда армейские тягачи добирались зимой по речному льду, а летом в объезд, теряя в пути четыре дня.

Он уже забыл, как выглядела его первая любовь – помнил только, что звали её Нина. Она сумела убедить его, что жить в такой дыре не сможет, несмотря на всю трепетную любовь, и поэтому им лучше расстаться. Он уехал один в край, где, в основном, обитали суровые мужчины, так и не успев осознать, для чего же нужны в этой жизни женщины. Но уехал с лёгким сердцем, потому что всё казалось правильным и достаточно обоснованным. Потом ему встречалось много всяких женщин, которых он использовал, не только не запоминая имен, но порой даже не зная их... и ещё одна, стоявшая обиняком в этой безликой шеренге, вспоминать о которой, он себе запретил.

До дома Андрей добрался без приключений и ещё раз позвонил в офис, но как он и предполагал, никто не ответил.

*

Проснулся Андрей, как всегда резко, будто и не спал вовсе. Было еще темно, но тренированный организм подсказывал, что уже утро. Отдернул штору – сквозь забрызганное стекло проглядывали желтоватые окна таких же, как он, «жаворонков»; тяжелые капли гулко стучали по металлическому подоконнику. Отопительный сезон еще не начался, поэтому в квартире было сыро и зябко. По единому, четко заведенному расписанию, он поставил чайник и направился в ванную. Теплая вода зашумела в раковине; яркий свет отразился в белых кафельных плитках – казалось, этот уголок не подвластен силам природы, и поэтому здесь царит одноединственное время года, названия которому никто не удосужился придумать...

Обходя лужи, ставшие видимыми в рассветном полумраке, Андрей добрался до гаража. Пока он возился с замком, холодные капли противно падали на лицо и волосы, и это раздражало; он даже подумал, что, наверное, весь день сложится неудачно, но изменить уже было ничего нельзя – раз день начался, он должен быть прожит, так или иначе.

Выезжая из гаража, он привычно взглянул на часы. Восемь. Все, как всегда. Андрей зачем-то каждый день приезжал на полчаса раньше остальных. Он и сам не мог объяснить этого, так как не разрабатывал никаких стратегических планов, не составлял отчетов и бизнес-планов, требующих тишины и сосредоточенности. Его миссия заключалась в том, чтоб количество мешков в накладной соответствовало реально полученному на складе, чтоб машины грузились вовремя, но, тем не менее, он очень любил сидеть за столом, глядя на сонный телефон, и ждать, когда тот оживет, внося своим звонком ежедневный, маленький смысл жизни. Потом, вечером при желании можно анализировать, являлось ли то, чем он занимался сегодня, этим самым «смыслом жизни», нужны ли ему очередные несколько сотен долларов и стоят ли они такого громкого и красивого названия.

...Вечером... До вечера еще надо дожить, – с этой мыслью Андрей привычно опустился на стул и уставился на телефон, бессмысленно гадая, зачем на кнопки наносят еще и буквы, если, кроме цифр, все равно никто ничем не пользуется...

Буквы вместе с цифрами поплыли, сливаясь в едкую, режущую глаза дымку, стелющуюся над рекой. На мосту, словно порубежный камень, стоял подбитый БТР. Мимо него, с той стороны, откуда стелился туман, брели люди, катя перед собой тележки, укутанные пестрыми, такими несовместимыми с войной, тряпками. Сойдя с моста, люди ступают на изуродованный асфальт набережной, но на их лицах не видится облегчения. Они знают, что завтра война может следом за ними проделать тот же маршрут и тоже оказаться на этом берегу. А навстречу тонкой цепочке беженцев медленно движутся два грузовика с молчаливыми людьми в камуфляже. Андрей снова вспомнил ощущение высоты Камазовской кабины, и эти печально склоненные головы, проплывающие внизу...

Резкая телефонная трель ворвалась в мысли. Он вскинул голову, схватил трубку и чуть не отчеканил: – Майор Сорокин слушает! Но вовремя опомнился, молча поднес трубку к уху.

– У вас мешки есть? – спросил мужской голос.

– Какие? – Андрей с трудом вылез из едкого тумана.

– Под муку. Нам надо тысяч тридцать.

– Есть, – Андрей осознал наконец, где находится и чем должен заниматься, – три девятости. Производитель Краснодар.

– Хорошая цена. Это из Павловска звонят. Завтра можете привезти? Расчет на месте.

– Можем. Давайте адрес и телефон, – записав реквизиты, Андрей положил трубку. Часы показывали четверть десятого, а Вика все не было. Прошелся по комнате; зачем-то потрогал холодные батареи; выглянул в окно. Дождь перестал, но на асфальте по-прежнему стояли лужи, и небо оставалось унылым, без единого просвета – удручающая картина в точности соответствовала его собственному настроению.

Минут через десять в двери заворочался ключ, и в комнату впорхнула Вика в длинном кожаном плаще с распущенными рыжеватыми волосами.

– Здравствуйте, Андрей Павлович, – небрежно бросила она, снимая плащ и проходя на кухню.

Ее вечно беззаботный вид раздражал Андрея, особенно сегодня. Он прошел следом и увидел, что она стоит, склонившись к куску зеркала на подоконнике, заменявшим ей, и трюмо, и туалетный столик. Ее рука с расческой бойко бегала по волосам, придавая форму слегка намокшим прядям.

– Между прочим, – сказал Андрей, – мы работаем с девяти.

– И что?

Этот по-детски наивный вопрос выбил Андрея из колеи. Он сглотнул слюну и молча вернулся в комнату. Какие аргументы он мог привести? Действительно, и что? Начался и начался, ей-то какое до всего этого дело?

– А вчера? – крикнул Андрей, – вчера, что случилось? Почему в три тебя уже не было?

– Вчера? – Вика появилась в дверях, такая отвратительно довольная собой; поджала губки, словно вспоминая события давно минувших дней, – вчера я ушла пораньше, а разве нельзя? Все равно здесь никого нет. Чего одной сидеть?

– Ты должна присутствовать не когда кто-нибудь есть, а как раз, когда никого нет! – Андрей вдруг подумал, не дурак ли он – может, это он чего-то не понимает в жизни?

– Да? – Вика обезоруживающе улыбнулась, – а я думала, что как секретарь, должна находиться здесь, когда есть директор.

Андрей почувствовал, что будет выглядеть полным идиотом, если начнет в очередной раз объяснять ей ее обязанности. Но и оставлять разговор в таком двусмысленном положении, значило сдаться на милость какой-то проститутке – до такого унижения он не мог опуститься.

– Это прогул, понимаешь? – сказал он, по возможности, спокойно, – и за него тебя можно уволить.

– Ну, это Володя будет решать, увольнять меня или нет. Вы – всего лишь зам., а он – директор.

– Да? – Андрей покраснел от такой наглости, – не волнуйся, я тоже могу тебя уволить с таким же успехом!

– Неужели? – в ее голосе послышалась неуверенность. Видимо, тон Андрея показался ей слишком твердым и решительным, – вот, завтра приедет Володя...

– Хоть два Володи! – Андрей решил, то наступает переломный момент, и если сейчас он не поднимется в атаку и не сомнет растерявшегося противника, то перестанет уважать себя, и как человека, и как офицера.

– Ах, так?! Я передам ему все, что вы тут за глаза говорите! Не забывайте – он все придумал, а вы тупо возите мешки!

На секунду Андрей подумал, что она права, но встав из окопа, надо бежать только вперед; оглянешься – неминуемая смерть. Вера в старую, проверенную боевую тактику победила все сомнения.

– Я не собираюсь с тобой пререкаться, – произнес он четко, как всегда отдавал приказы, – ты уволена по причине служебного несоответствия и за прогулы. Завтра Владимир Иванович подпишет приказ.

– Подумаешь, – хмыкнула Вика, – посмотрим еще, кого он завтра уволит.

... *Что с того, что он с ней спит?* – пронеслось в голове Андрея, – *тех, с кем можно спать – полгорода, а таких, как я, не укравших ни одного мешка и ни одной копейки, еще поискать...*

Вика накинула плащ, небрежно подхватив его поясом, и вышла, демонстративно хлопнув дверью.

Андрей подошел к окну, убеждаясь, что она, действительно, ушла, а не ломает комедию в очередной раз. Видя ее удаляющуюся спину, он подумал, что завтра ему предстоит неравный бой. Он даже представил, как возвращается на станцию техобслуживания и снова лезет в яму, чтоб осмотреть заляпанное грязью днище очередной иномарки, но ни страха, ни раскаяния в содеянном, не возникало. Он давно усвоил, что из обжитых казарм его мгновенно могли перепросить в сырые холодные палатки, и в этом заключалась жизнь.

*

За плотно закрытой дверью шумела вода. Катя с тоской смотрела на барельеф писающего мальчика, прибитый к двери, словно символ всеобщего похренизма, воцарившегося в жизни, лет пятнадцать назад. Мальчик улыбался, глядя на свою струю, а за его хилой спиной проступали силуэты высотных домов. ...*Действительно, почему б не писать прямо на улице? Пожа-луйста. Это никого не интересует. Каждый озабочен лишь тем, чтоб струя не попала ему на ботинок...* И еще Катя никак не могла понять, почему эту эмблему отец прибил на дверь ванной, а не туалета, что выглядело бы гораздо логичнее. Но какая логика в мире, где всем все безразлично?..

Катя молча вздохнула, слыша, что шум воды не собирается прекращаться, и перевела взгляд на окно, в котором наполовину облетевшие тополя лениво шевелили тяжелыми сучьями. Она не хотела встречаться взглядом с отцом, сидевшим напротив и смачно окунавшим сосиску в банку с соусом; потом он откусывал сразу треть и жевал, натружено двигая челюстями. Рядом лежал кусок хлеба, изломанный каким-то странным образом. Он, вообще, любил мять хлеб, прежде чем отправить в рот – наверное, ему нравилась его податливость

и беззащитность. Катя подумала, что представляет для него такой же кусок хлеба, с той лишь разницей, что ее нельзя положить в рот и съесть окончательно.

...Ну, сколько можно мыться? – подумала она, – *так мать на работу опоздает...* Но дело было совсем не в работе – она мечтала сама быстро юркнуть в ванную и стоять там, чутко прислушиваясь; ожидая, когда, наконец, хлопнет входная дверь. Сначала раз, потом второй, и квартира останется, пусть на время, в ее полном распоряжении; тихая и совершенно безопасная. Но мать сегодня, видимо, не спешила, и Кате ничего не оставалось, как созерцать мрачный осенний пейзаж и гадать, вернется ли отец к вчерашнему (*...если б только вчерашнему!.. Скорее, вечному...*) разговору или оставит его до вечера. Он уже прихлебывал чай из большой треснувшей кружки, и Катя украдкой скосила взгляд на будильник – до момента, когда он пойдет одеваться, оставалось целых десять минут. Десять минут можно выдержать, стыдливо потупив глаза и понимающе вздыхая...

– Ну, так что, Катерина? – отец отодвинул чашку и протянув руку, не глядя взял с подоконника сигарету, – какие планы?

– Пойду опять искать работу, – она повернулась к нему лицом. Этот вопрос, слишком обязывающий и конкретный, непременно требовал ответа.

– Ты повторяешь это второй год, – отец тяжело вздохнул. Наверное, с утра у него было более благодушное настроение, чем после трудового дня в душном заводском цехе, среди пахнущего маслом металла (Катя помнила этот мерзкий запах еще со времен преддипломной практики).

– Разве я виновата, пап? – спросила она тихо и отвела глаза. По опыту она знала, что на дальнейшие вопросы можно не отвечать – далее монолог будет продолжаться сам по себе.

– А кто виноват? Значит, так ищешь. Почему все работают, а ты, вот, такая... – он так и не смог подобрать определения, какая же у него получилась дочь, и просто махнул рукой, – неужели тебе не стыдно в тридцать лет сидеть на шее у родителей? Я уж не говорю, чтоб ты что-то приносила в семью – мы с матерью обойдемся, но себя-то ты должна обеспечить! Не стыдно просить у меня деньги на свои «затычки»?!

Катя покраснела. Это, действительно, стыдно, но сейчас лучше молчать; да и сказать-то ей, в сущности, нечего...

– Молчишь? Ну, молчи... Тебя хоть раз кто-нибудь попрекнул, когда ты училась? Кормили тебя, одевали-обували. Без стипендии сидела? Ничего, черт с ними, с тройками, главное, чтоб доучилась...

...Господи, о чём вспомнил!.. Несчастные сорок рублей... да и стипендии у меня не было всего семестр...

– ...но должна же быть какая-то отдача! А помрем мы, что ты будешь делать? С голоду подыхать? Ты даже милостыню просить не умеешь! Инженер-экономист хренов!

– Ты предлагаешь мне побираться? – вспыхнула Катя. Это было нечто новое. До таких вариантов он не доходил ни разу.

– Я уж не знаю, что предлагать, но имея высшее образование, музыкальную школу и ещё, чёрт знает, что!..

Распахнулась дверь ванной и оттуда показалась мать, уже полностью одетая, готовая к выходу.

– Вы опять за старое? – без тени улыбки спросила она. Ее положение всегда оставалось промежуточным и неопределенным – чувствовалось, что в душе она согласна с отцом, но обвинять дочь так грубо, видимо, не позволял материнский инстинкт.

– Да, за старое! – отец воинственно стукнул ладонью по столу, – я из рабочих, понимаешь?! В нашей семье все всегда вкалывали, честно добывая кусок хлеба! И я не вижу причины, чтоб стало иначе! Это все болтовня про другое время, про перестройку – кто хочет работать, тот всегда найдет себе место! А, вот, кто не хочет... – он посмотрел на часы – не лимитирован-

ные десять минут подходили к концу, – в общем так, – он поднялся, вышел в комнату и вернулся со сторублевой купюрой, – вот тебе на все – про все. И это последний раз. Дальше, живи, как хочешь. У меня зарплата три тысячи и у матери полторы. Мы и так, еле концы с концами сводим, а тут еще, говорят, с октября коммуналка подорожает. Как, вообще, тогда жить? Бомжевать пойдем все вместе! – он бросил купюру на стол и вышел.

Катя сидела, не шевелясь, мысленно повторяя: *...Господи, уходите поскорее, уходите все...*

Дверь хлопнула в первый раз, а затем и во второй. Стало оглушающее тихо. О том, что несколько минут назад кто-то еще существовал в этой комнате, напоминал только запах табака, расплывшийся по всей квартире.

Катя пошевелилась; повернула голову, устав смотреть в одну точку. Потом взяв со стола сиротливую желтую бумажку, усталилась на нее, словно стараясь запечатлеть в памяти. С каким бы удовольствием она демонстративно вернула ее отцу, но тогда... она не представляла, что будет тогда. Уже давно она старалась перемещаться по городу на муниципальном транспорте, а не на маршрутках, но чтоб ходить только пешком и не иметь возможности съесть в течение дня пирожок за пять рублей, этого она представить еще не могла.

...Скоро, видимо, придется... надолго ли хватит этой «стошки»?.. Катя прошла в свою комнату и усевшись на диван, взяла вчерашнюю газету бесплатных объявлений. Строчки сливались в ровные черные полосы, и она надела очки – изображение стало четким, но от этого ничего нового на газетной странице не появилось. Объявления повторялись из номера в номер с небольшими вариациями, и Катя знала их наизусть.

Отложив газету, она вспомнила, как позавчера, будто дура, целый час заполняла анкету, стараясь не пропустить ничего из того, что *они* хотели знать. Как выяснилось впоследствии, все затем, чтоб быть принятой текстовиком в какое-то маленькое издательство на зарплату в шестьсот рублей. Пятьсот из них уйдет на транспорт, а работать за сто рублей в месяц, даже в ее положении, не имело смысла. Но, с другой стороны, это оказалось единственным реальным предложением, которое подходило ей по всем параметрам.

Смешную рубрику «Работа для всех» она уже перестала просматривать, потому что знала – короткие, в одну строчку объявления, заканчивающиеся словами «не гербалайф», означали, именно, гербалайф, переименованный для конспирации в «растительную жизнь». Зная мнение о нем прессы и своих немногочисленных знакомых, Катя просто стеснялась ходить и пытаться убеждать людей в том, что это почти манная небесная.

Попадались, конечно, и шикарные объявления, связанные с ведением бухучета или работой на компьютере, и обещавшие зарплату, чуть не вдвое превышавшую совокупный доход их семьи. Но кто б ее туда взял с инженерно-экономическим образованием, полученным почти десять лет назад, когда компьютеры, называемые тогда ЭВМ, занимали целую комнату и программировались при помощи перфокарт.

В «администраторы торгового зала» она уже не подходила по возрасту. И кто придумал эту дурацкую шкалу «до тридцати лет»? Почему считается, что она не сможет рассказывать покупателям о каких-нибудь сапогах или косметике?

Однажды она все-таки попыталась убедить в этом вальяжного молодого человека из одного крупного магазина, но тот только скептически оглядел ее с головы до ног и выдал категорическое «нет». Только тут она поняла, что дело, скорее всего, даже в возрасте, а во внешности. Наверное, он посчитал ее слишком не гармонирующей с блестящим металлом и ярким дорогим пластиком. Конечно, какой покупатель подойдет с вопросом к чучелу в огромных очках, длинной давно вышедшей из моды юбке и волосами непонятного пегого цвета? Но не могла же Катя объяснить, что если ей удастся заработать хоть немного денег, то она приведет себя в порядок и будет выглядеть ничуть не хуже других. Нет, вальяжный молодой человек все равно б не понял этого...

А еще ее очень отпугивали предложения, типа, «требуется секретарь-референт. Опыт работы не обязателен». Два раза она ходила по подобным объявлениям, но в первом случае ей отказали сразу, прямо с порога, видимо, по той же причине, что и менеджер из магазина, а во втором получилось и того хуже. Будущий шеф оглядел ее с ног до головы и весело сказал:

– Вообще-то, лапуля, ты ничего, если немного подкрасить и приодеть. А девушки в очках меня даже возбуждают – есть в них определенный шарм. И то, что не замужем, очень даже хорошо, потому что придется задерживаться сверхурочно... Лапуль, ты не могла бы приподнять юбку, чтоб я посмотрел, как ты будешь выглядеть в мини? Катя покраснела, попятилась назад и толкнув спиной дверь, выскочила из кабинета.

Сейчас, после разговора с отцом, она уже по-другому смотрела на вещи, но дурацкое чувство стыда не позволяло ей явиться туда во второй раз.

...И что мне осталось?.. Катя еще раз пробежала бесполезную газету и бессмысленно уставилась на маленькую книжную полку, висевшую на противоположенной стене.

«Женские романы», где, несмотря на страдания и сыплющиеся, как из рога изобилия, проблемы, все у героинь всегда заканчивалось хорошо, уже давно не привлекали ее. Она не верила, что все должно заканчиваться хорошо, и поэтому смотрела в какое-то невидимое пространство, простиравшееся за непроницаемой для взгляда стеной. Но там существовала только полная чернота, пугающая тупой однородностью, не подсказывающая никаких решений; она угнетала, и сознание не произвольно начинало бороться своими скудными средствами...

Перед Катей внезапно возникла панорама улицы. Посреди тротуара стояла чумазая, одетая в грязную куртку женщина с потухшим взглядом, которая тянула к прохожим руку и что-то нечленораздельно бормотала себе под нос. Люди шарахались от нее, меняя направление движения, и брезгливо отворачивались.

...Может быть, эта женщина – я через каких-нибудь десять лет? Хотя и десять лет еще надо прожить, – она усмехнулась, прогоняя видение, – а, может, на панель? Для многих это оказалось выходом в безвыходной ситуации... Катя попыталась представить, как всё будет происходить, и не смогла, потому что мужчина в её жизни был лишь один, пьяный и небритый. В институтском колхозе он фактически изнасиловал ее в кустах прямо возле поля, где они убирали картошку. Никто тогда не пришел на помощь, хотя она никому и не жаловалась из своего извечного стыда; только усвоила для себя, что мужчины – это существа совершенно другого вида, опасные, хищные, и их надо избегать. И чтоб теперь она совершенно добровольно испытывала эту боль и унижение? Лучше, вообще, не жить...

Катя перевела взгляд на окно. Его светлый прямоугольник так контрастировал с черной бездной, простиравшейся за книжной полкой, что она невольно встала и подошла ближе; опершись о подоконник, посмотрела вниз. *...Четвертый этаж. Если прыгнуть головой вниз, то неминуемо разобьешься об этот мокрый холодный асфальт, и сразу все закончится. Все проблемы разрешатся сами собой и... и что будет дальше?.. А дальше не будет ничего – ни тоннеля, стремящегося к радостному неземному свету, ни райских садов, ни адских котлов со страшными мохнатыми чертями, похожими на того, колхозного мужика...* Это пугало Катю больше всего – что ничего не будет. Какой бы тягостной ни казалась жизнь, она все равно лучше, чем лежать в тесном деревянном ящике под метровым слоем земли.

Катя вдруг подумала, что все это опять же неправильно, не так; что опять она смотрит на себя со стороны, как будто останется существовать, только в виде какой-то другой мыслящей субстанции. А ведь ее просто не будет, и она не сможет оценить, каково это, лежать в том ящике, и даже не узнает, как отец отнесся к ее смерти. Может быть, он раскается и пожалеет, что променял несколько сотен рублей на жизнь дочери? *...Действительно, ведь какие-то несколько сотен! Не так уж много мне и надо. Я ж не покупаю нарядов и не требую французские духи...* Стало ужасно обидно, причем, не ясно, отчего больше – оттого, что вынуждена

жить такой жизнью, или оттого, что эту жизнь можно закончить так легко, быстро и навсегда. Катя попыталась представить свое тело, превращенное в кровавое месиво. ...*Или так бывает только в кино? А на самом деле, я просто сверну шею, и буду лежать такая же естественная, только совершенно неподвижная... может быть, только очки отлетят куда-нибудь в сторону...*

Нет, она решительно не могла представить, как это будет происходить, но осознание того, что выход все-таки существует и в самом крайнем случае им всегда можно воспользоваться, успокаивало, придавая силы для поисков иного решения. А этот безвыигрышный вариант никуда не денется – достаточно распахнуть створки, взобраться на подоконник, зажмурить глаза... Катя отошла от окна и обвела взглядом комнату.

...А что будет здесь потом?.. Потом, когда меня не станет. Наверное, в мою комнату переедет отец – им с матерью давно уже неинтересно спать в одной постели. Знают, книжки, скорее всего, перекочают в подвал, а огромный плюшевый медведь?.. Нет, его мать должна забрать к себе... Катя совершенно отчетливо представила новый облик комнаты, даже почувствовала, как ее диван и дешевый коврик на стене пропитываются запахом отцовских сигарет. Закрыла лицо руками, но мешали очки. Она отшвырнула их в угол и зарыдала, сотрясаясь всем телом; рухнула на диван, хранивший ее живой запах. Она не хотела уходить из этого мира, потому что ясно знала – никакого другого не существует. Все эти бредни о жизни после смерти, о рае и аде, о переселении душ, есть не что иное, как выдумка какого-то умного и циничного человека, стремящегося придать человеческому существованию смысл, оградить его от мыслей о неминуемом и бесповоротном конце. Нет, пока она еще поживет здесь. Второго такого шанса ей не представится, а пока у нее есть еще и сто рублей, она способна искать, на что-то надеяться.

Катя вытерла слезы, встала, последний раз шмыгнув носом. Наклонилась за очками и почувствовала, что одно стекло треснуло от удара; в ужасе водрузила их на нос, закрыла правый глаз – перед левым пролегла широкая непрозрачная полоса. Зрачок метался, ища какое-нибудь удобное положение, но мог видеть, либо давно некрашенный пол, либо потолок, а стены, находящейся прямо напротив, будто не существовало вовсе – вместо нее возникло бесконечное серое ничто.

Катя растерянно сняла очки; посмотрела на них, поднеся совсем близко к лицу. Поменять стекло стоило гораздо больше ста рублей, но дополнительных денег ей на это никто не даст. Она снова опустилась на диван. Но, видимо, это событие сдвинуло ее сознание с мертвой точки – ей уже не хотелось вернуться к окну и даже думать о самоубийстве. Раз в ее жизни что-то способно измениться в худшую сторону, то, возможно, способно и в лучшую? Главное, что оно способно меняться! Надо идти, причем, совершенно не важно, куда. К чёрту газету! Она написана для тех, кто знает, что ищет, а у нее все должно быть по-другому, также спонтанно и непредсказуемо, как эти разбитые очки. К тому же, отец никогда не простит ей, если она целый день бездарно просидит дома.

Оделась Катя быстро. У нее никогда не возникало проблем с выбором гардероба, ведь когда нет вариантов, нет и проблем. Накрасилась, чтоб хоть частично скрыть следы слез; попыталась еще раз надеть очки в надежде, что что-нибудь изменится само собой, но трещина не исчезла, и лучше видеть она не стала. Вздохнула. Сунула их в сумочку, чтоб использовать, если потребуетея рассмотреть что-нибудь повнимательнее, хотя бы одним глазом. Взяла со стола драгоценную «стошку» и торопливо захлопнула за собой дверь, словно покинуть квартиру являлось ее главной целью. Сбежала по лестнице, держась за перила, и оказавшись во дворе, резко остановилась, привыкая к новому видению мира. Здесь сделать это было гораздо проще, чем на улице, кишашей автомобилями и беспорядочно снующими людьми. Вот пять тополей посреди двора (это она знала настолько хорошо, что их даже не требовалось видеть); улица (она там, между домами, где проплывали цветные, расплывчатые пятна автомо-

билей); мужчина прошел к соседнему дому. Рядом с ним бежала толстая черная собака. Катя знала, что у мужчины усы, а собака – перекормленный ротвейлер. Их тоже не надо рассматривать. На лавочке у подъезда сидит незнакомый мужчина. Он никогда не сидел здесь раньше. Но это не важно, главное, она различала, что это мужчина, и он просто сидит, зажав между ног, стоящий на земле кейс, и не предпринимает никаких действий.

...Ещё говорят, – вспомнила Катя, — если не носить очки, зрение стабилизируется. Может, и у меня так будет?..

Она сделала первый неуверенный шаг, словно пробуя на прочность асфальт. Мужчина на лавочке вздохнул и даже, как показалось Кате, застонал. Она уставилась на него своими широко раскрытыми, но видящими лишь смутные очертания, глазами. *...Может, ему плохо?..* Она уже хотела подойти, но мужчина пошевелился. Это испугало Катю – вдруг он неправильно истолкует ее заботу? Она повернулась и быстро пошла, не разбирая дороги туда, где, как она помнила, должна находиться остановка автобуса.

Домой Катя возвращалась, когда уже стемнело. Она б, может, и еще побродила по улицам, но с непривычки свет фар слепил, а яркие витрины расплывались цветными пятнами, отчего Катя переставала ориентироваться в пространстве.

Прошедший день не принес ничего обнадеживающего. Она попыталась устроиться продавщицей в два киоска, на которых сумела разглядеть, написанные крупными печатными буквами, объявления «Срочно ищу продавца». Но в одном месте спросили медкнижку, а выходить на работу требовалось максимум через три дня. Катя прекрасно знала, что до зарплаты, которая планировалась на конец месяца, отец денег на прохождение медкомиссии не даст, поэтому вариант отпал сам собой. Во втором месте ей просто отказали без объяснения причин. Кате показалось, что продавец там вовсе и не требовался, а шла какая-то внутренняя игра между хозяином и молоденькой светловолосой девушкой, сидевшей в киоске и болтавшей по мобильному телефону.

Еще Катя посетила рынок, где узнала, что требуются продавцы яиц и рыбы. Яйцами торговали на улице с восьми утра до шести вечера. Катя поняла, что с ее не самым богатырским здоровьем, больше недели по осенней слякоти она не выдержит. А рыба... Хозяин как-то очень хитро посмотрел на нее и сказал, что примет с испытательным сроком на один месяц и без записи в трудовой книжке. На эту удочку Катя уже попадалась и снова работать целый месяц бесплатно, желания не возникало.

Она шла через темный двор и думала, имеет ли смысл пересказывать отцу все сегодняшние неудачные попытки или лучше просто молчать и слушать в пол-уха то, что будет говорить он? Ведь он все равно не поверит и еще хуже, обвинит ее во лжи, в нежелании менять свою жизнь, помогать семье... Она уже знала наизусть все обвинения. Но, как бы там ни было, кроме дома, идти ей все равно было некуда.

Поднялась на площадку; достала ключ. *...Господи, хоть бы ты послал его в командировку!..* Но с началом перестройки все командировки прекратились – то ли завод перестал продавать продукцию, то ли они сэкономили деньги, этого Катя не знала.

Она открыла дверь и вошла. После свежего осеннего воздуха в нос ударил такой знакомый запах, состоящий из не выветривающейся никогда смеси табака, перекаленного масла и еще чего-то специфического – наверное, пыли и нафталина. Как она ненавидела этот запах!

Сняла куртку; разулась. За день она даже привыкла ходить без очков, и, хотя глаза ужасно устали (в них даже появилась неприятная резь), но чувствовала она себя достаточно уверенно, тем более, среди знакомых вещей, стоящих на строго определенных местах.

– Что нового у нас сегодня? Какие злые силы помешали нам на этот раз? – спросил отец, выглядывая в коридор.

Катя подумала, что сегодня он на удивление добродушен. Может, все так и закончится на этой полушутливой фразе?

– Ничего не помешало, – вздохнула она, – просто я опять ничего не нашла.

– Понятно, – отец вернулся в комнату, из которой доносился монотонный голос теледущего.

– Кать! Иди ужинать! – раздался из кухни голос матери.

Конечно, она бы с удовольствием отказалась и от этой подачки, но есть хотелось. Тем более, вряд ли кто-нибудь оценит ее жест – скорее, наоборот, с молчаливым согласием воспримут, как должное. Кто не работает, тот не ест.

На столе дымилась тарелка с жареной картошкой и одинокой сосиской мертвенно-бледного цвета. Катя вымыла руки и присела к столу. Мать не попрекала ее тем, что жизнь сложилась так, а не иначе, поэтому с ней иногда хотелось поделиться дневными впечатлениями.

– Ма, – она взяла вилку, – я была сегодня в двух киосках и на рынке, но там...

– Я верю, – перебила мать, глядя на нее печально, – я знаю, что устроиться в наше время совсем не просто. Это отцу кажется, что все легко. Он на своем заводе тридцать лет вкалывает и другого не знает. Но ты не обижайся на него, такой он человек.

Отец зашел на кухню за сигаретами и, видимо, услышал последнюю фразу.

– Какой человек? Не нравлюсь, да?! Тогда, – он повернулся к Кате, – выходи замуж и съезжай, куда хочешь!.. – откуда появилась эта идея, неизвестно, но, похоже, она отцу нравилась, и он повторил для пущей убедительности, – что ж ты замуж не выходишь? У нас все, кто не хочет работать, давно повыскакивали за всяких предпринимателей!

– Куда замуж?.. – вступилась мать, не дав ответить растерявшейся Кате, – ты видел современных мужчин? Кто на нее глянет? Ей даже одеть нечего, чтоб пойти знакомиться!

Оттого, что ее обсуждали так беззастенчиво, словно раздевая на глазах у всей улицы, а еще оттого, что это было правдой (*...но зачем же так?..*), Катя бросила вилку и выскочила из кухни; захлопнув дверь комнаты, упала на диван, давясь слезами. Она старалась не плакать в голос, чтоб не давать им повода для злорадства.

...Господи, ничего не изменится здесь, даже если я найду работу! Они ненавидят меня, и один путь – уйти!.. Но куда? Почему, действительно, не существует этой самой пресловутой «бессмертной души», чтоб можно было умереть и возродиться в каком-то другом мире, в абсолютно новом качестве? Как было бы здорово!.. Она вытерла слезы и подумала с непонятно откуда взявшейся легкостью, вроде, ее желание вдруг стало реальностью: *...И куда бы я хотела перенестись? Наверное, в средние века, и быть... нет, королева – это слишком хлопотно, а, вот, например, баронессой или графиней... чтоб жить в замке, устраивать балы и не думать, что случится завтра...*

В сознание ворвался шелест платьев и звуки менуэта, чарующие своей отдаленностью от мирской суеты; а еще сотни горящих свечей, заменяющих люстры, чуть покачивающих свое пламя от легких дуновений ветерка, проникающего в раскрытые настежь окна, и оживляющие отблесками огромные гобелены со сценами охоты и обнаженными пастушками, робко целующимися с такими же обнаженными пастушками. На душе стало так легко и спокойно, что не хотелось даже открывать глаза, не говоря уже о том, чтоб выйти из комнаты и умыться. Катя нащупала плед, свернутый в ногах, укрылась им и подсунула руку под голову. Лежать было не очень удобно, зато все ее существо ощущало такой покой, что ради него она могла и пожертвовать всякими мелкими физическими неудобствами.

...А, может, все-таки правда, что умерев, можно родиться вновь другим человеком? Ведь никто не знает, как оно бывает потом... вдруг я не придумала этот бал, а это моя прошлая жизнь? Неужели я бы могла придумать, например, этот гобелен на стене? Наверное, я его видела... значит, все не так страшно... Она плотнее укуталась в плед, спрятавшись в него с головой. Сразу стало душно, зато в убежище не проникал ни один лучик света, ни один звук

жестокое безразличное мира. Кромешная тьма, окружавшая ее, не пугала – скорее, наоборот, она ласково укрывала, пряча в своем жарком чреве, и только там фантазия могла родить другую жизнь (будущую или прошлую, не принципиально – лишь бы она была другой).

Катя включила рычаги воображения, вспоминая все прочитанные книжки, от волшебных сказок до любовных романов. Она верила, что из этого нагромождения сюжетов и образов непременно должно выкристаллизироваться нечто, отвечающее ее желаниям и настроению. Даже если в конечном итоге, все это окажется неправдой, то хоть ночью она сможет отдохнуть от безрадостного, тоскливого настоящего.

Однако тьма почему-то не рассеивалась, рождая изображение, а становилась все гуще и плотнее. Зато у тьмы появился собственный голос...

... – Мама, поговори со мной.

– Хетти, мне надо делать еду. Угли в печи уже прогорели.

– Мама, но сейчас вы все уйдете, и я опять останусь одна. Неужели ты не можешь поговорить?

– Хорошо, только пойдем со мной. Ты будешь сидеть рядом, пока я сделаю лепешки.

Хетти легко поднялась с деревянного помоста, на котором сидела. Коснулась рукой кровати, чтоб проверить, правильно ли она сориентировалась в пространстве комнаты, и уверенно пошла по земляному полу, опустив руки. Она знала здесь каждый уголок; знала, сколько шагов до ящика с одеждой, до шершавой стены, сложенной из теплых глиняных кирпичей, до двери, ведущей в самую большую комнату, за границей которой начинался незнакомый мир с гладкими камнями мостовой и шумом улицы. Там она не была никогда, зато если пройти еще девять шагов, то попадешь в дверь на кухню, где стоит печь. До нее ей запрещено дотрагиваться, но Хетти чувствовала жар, излучаемый ею.

Она услышала шипение; значит, мать опустила первую лепешку в узкое вертикальное отверстие, и тесто соприкоснулось с горячими стенками. По кухне разнесся аппетитный аромат лепешек. Хетти опустилась на помост, прикрытый жесткой циновкой, точно такой же, как и в ее маленькой комнатке.

– Расскажи мне что-нибудь, мама, – сказала она, усаживаясь поудобнее и поджимая под себя ноги.

– О чём я могу тебе рассказать? Попроси лучше отца. Он многое видел. Он даже добирался до Семны, за которой начинается Страна Песка и Камня; где в Красной Земле живут дикие нубийцы...

– Я знаю, мама, – перебила Хетти, – но я хочу слышать твой голос. Расскажи мне про Буто.

– Опять? Я рассказываю тебе это каждый день.

– Да, но я никогда не видела Буто. Ты каждый день ходишь по его улицам, и тебе не надо. Так и мне не надо. Так и мне не надо слушать о нем.

– Хорошо. Буто – это город, в котором мы живем. Это очень большой город. Здесь живет даже Владыка Двух Земель. Здесь несколько десятков домов, похожих на наш, и дворец, в котором живет Владыка. Дворец сделан из камня, который привезли на кораблях из Красной Земли. Окружают город болота, но когда Нил разливается и подходит совсем близко к городу...

– А какой он, Нил?

– Он голубой. А когда разливается, становится почти черным и мутным.

– Голубой... а какой голубой?

– Ну, просто голубой... – ответила мать растерянно.

– Извини, но ты плохо рассказываешь. Я не вижу Нила.

– Как ты можешь видеть его, если ты не видишь ничего? – мать начинала раздражаться, как, впрочем, бывало почти всегда, – если б у тебя были нормальные глаза...

– Мама, – перебила Хетти, – почему-то, когда ты рассказываешь про богов, я их вижу – и Амона, и богиню Хатхор. Она ведь такая же, как я, да? У Хатхор такие же тонкие руки, и волосы забраны в пучок, – она провела рукой по своей прическе, – и ходит она в таком же платье, да?

– Я не знаю, – ответила мать недовольно, – я не вижу богов. Я знаю, что такое Голубой Нил, а богов я не вижу.

Обе замолчали. Хетти слышала, как мать что-то двигает, как падает в миску очередная лепешка.

– Мама, расскажи мне лучше про богов. Расскажи, как они сотворили мир.

Мать снова вздохнула. Хетти показалось, что она специально сделала это слишком громко, чтоб дочь поняла, как ей надоело рассказывать одно и то же, но Хетти сделала вид, что ничего не поняла. У нее и так оставалось не слишком много времени, чтоб слышать чей-нибудь голос, ведь скоро все уедут в какой-то непонятной «лодке», чтоб наловить рыбы на завтрашний день, и долго-долго их не будет. Хорошо, если придет кошка Миу. Тогда можно будет гладить ее мягкую шерсть и слушать, как уютно она урчит, подставляя под руку свою голову. А если кошка не придет?.. Тогда останется только снова взять сестру и извлекать из нее звуки, ласкающие слух, но это не будут слова, которые так интересно слушать. Так какое значение могло иметь то, что матери надоело рассказывать, как Атум создал бога Шу и богиню Тефнут, а потом...

– Ладно, слушай, – начала мать, – на маленьком холмике среди не имеющего, ни границ, ни формы Хаоса, возник Создатель Атум. Он сплюнул свою божественную слюну и породил бога Шу, который дал миру воздух, и богиню Тефнут, которая дала миру влагу. Шу и Тефнут породили Геба, который создал землю, и Нут, которая создала небо, а они уже родили Осириса, Исиду, Сета и Хнума. А Хнум создал человека...

– Мама, а почему Хнум сделал меня слепой? Разве я чем-нибудь прогневала его?

– Нет, дочка, – она положила на голову Хетти свою шершавую руку, – это проделки Той, Чье Лицо Смотрит Назад.

– Это ведьма ночи, да?

– Да, Хетти.

– А почему ты не пела песню, отгоняющую ведьму ночи?

– Я пела ее, но, видимо, боги не услышали меня.

– Почему, мама?

– Не знаю. Ты сама спросишь их об этом, когда пройдешь по Прекрасной Дороге На Запад и попадешь в Страну Вечности.

– Это будет, когда я умру?

– Конечно.

– Но я не хочу умирать. Здесь обо мне заботишься ты и отец, а там, что я буду делать?

– Там о тебе будет заботиться Великий Осирис, и в его царстве ты снова сможешь видеть, и ты будешь жить в Прекрасной Стране Запада.

– А долго ждать, пока я умру? – Хетти вздохнула.

– Нет, милая. Наше время – это песчинка, которую несет Нил, а время Осириса – это горы, которые стоят на границе Красной Земли.

– Я хочу увидеть горы на границе Красной Земли, – сказала Хетти мечтательно...

На этой фразе Катя высунула голову из-под пледа, глубоко вздохнула и уснула крепко и спокойно, как не засыпала уже долгое время, продолжая и по ночам мучиться проблемами трудоустройства и безденежья.

*

Андрей появился в офисе, как всегда, в половине девятого. Со вчерашнего дня здесь ничего не изменилось; да и не могло измениться, потому что Володя, возвращаясь из командировки, не имел привычки сразу появляться на работе.

Поверх папок с договорами и сертификатами лежал листок, на котором был записан телефон Павловской мукомолки. Туда надо сегодня отвезти мешки, но, с другой стороны, тридцать тысяч – это не то количество, ради которого стоило бросать пустым офис. За это время могли возникнуть более серьезные предложения, которые никто не сможет их зафиксировать.

Андрей решил, что надо дождаться Володю; к тому же, вопрос с Викой тоже лучше решать лично, иначе вернувшись, он рискует вновь увидеть за столом ее ухмыляющуюся физиономию. Один на один она наверняка сможет уговорить мягкого и не слишком решительного шефа оставить все, как есть, а после того, как он простит ее, менять решение будет просто некорректно. И снова она будет самодовольно красить ногти, сидя за столом, а он, Андрей, будет чувствовать себя оплеванным с его резкими вчерашними заявлениями. Как они смогут и дальше работать вместе, он совершенно не представлял.

Андрей посмотрел на часы и подумал, что Володя может появиться, например, к обеду или, вообще, завтра утром – это было бы вполне в его стиле. Прошелся по комнате, прикидывая, что можно предпринять, но в это время в скважине заворочался ключ. По тому, что на пол опустилось что-то тяжелое, Андрей решил, что, вряд ли это вернулась Вика (если только она не принесла чемодан, чтоб забрать свои вещи).

– Привет, – Володя вошел в комнату, – какие здесь новости?

– Все нормально, – Андрей пожал протянутую руку, – вчера сто тысяч скинул, так что на складе осталось всего сто пятьдесят.

– За следующую неделю разбросаем – я ж не зря прокатился, – Андрей взял со стола листок, – а это что?

– Сегодня надо тридцатник в Павловск отвезти. Ты не посидишь в офисе?

– А где наше «солнышко»? – спросил Володя беззаботно, будто до сих пор не заметил отсутствия секретарши.

– Я ее уволил, – Андрей смотрел на шефа, пытаясь просчитать реакцию.

– О, как?! – Володя достал сигарету, – и за что?

– За то, что позавчера на работе она просто отсутствовала. Вчера явилась в половине десятого и заявила «ну и что в этом такого?» Я и вспылал немного...

Володя закурил, задумчиво глядя в окно, и вдруг повернувшись к Андрею, весело объявил:

– А ты молодец! Очень все грамотно получилось.

Андрей даже опешил. Он приготовился отстаивать свое мнение; может быть, даже ругаться, рискуя собственным положением, но то, что он «молодец», явилось полной неожиданностью. Выглядел он, видимо, настолько растерянно, что Володя даже рассмеялся.

– Не понял, да? Все просто, как в частушке. Каждая баба должна знать свое место, согласен?

– Безусловно.

– То, что я ее тут иногда трахал, это ты, наверное, понял. Иначе, за кой хрен ей такую зарплату платить? Короче, зарвалась девочка, права стала качать. А мне ж, сам понимаешь, это на фиг не надо. Мы с Танькой неплохо живем и скандалы мне совершенно ни к чему; тем более, ревнивая она до ужаса. Дураку понятно – это легкое приключение на работе; у нее же претензий стало не в меру. А выгнать повода не было – она ж у нас официально числится; тут и с КЗОТом считаться приходится. А теперь все проще. Сейчас мы девочку на место поста-

вим... рылом не вышла условия мне диктовать, – он сел за компьютер, и пока тот входил в программу, придвинул листок бумаги, – значит, говоришь, позавчера прогул. Это у нас четырнадцатое, да?

– Да, – Андрей прекрасно понял ситуацию. Все абсолютно закономерно – от такой стервы ничего другого даже ждать не приходилось. Тем не менее, он все еще никак не мог прийти в себя, слишком долго настраиваясь на битву за принятое решение.

– Хорошо, – продолжал Володя, – а пятнадцатого опоздание. Шестнадцатого прогул... сейчас три приказа оформлю, и никакой КЗОТ не подкопается, – его пальцы забегали по клавиатуре.

– Слушай, Володь, ты оставайся; объясни ей все, и как директор, запись сделай, – Андрей достал из сейфа Викину трудовую книжку, – а я пока заброшу мешки в Павловск.

– Не, так не пойдет, – Володя поднял от экрана хитрые глаза, – на кого ж ты меня покидаешь? Она тут меня еще изнасиловать попытается, а потом ментов вызовет, типа, я до нее домогаюсь, а она не дается – вот и причина для увольнения. Лучше я поеду в Павловск, а ты заварил эту кашу, до конца ее и расхлебывай. Закалка у тебя военная, а я, гражданский интеллигент еще растаю от ее стриптиза, согласен?

Андрею ничего не оставалось, как молча кивнуть. Действительно, перед ним ломать комедию она вряд ли станет, тут Володя прав.

– Вот и все, – Володя быстро подписал приказы и разложил их веером; потом погрозил пальцем ни в чём ни повинным листкам бумаги, – запомни, детка, во всем надо знать меру. Кстати, – он поднял голову, – раз уж ты кадровые вопросы взял на себя, то позаботься и о новой секретарше. Пусть теперь это будет девочка на твой вкус.

– Какой вкус? – Андрей даже смутился, – никакого вкуса у меня нет. Просто дадим объявление в газету.

– Ой, не надо! – Володя картинно заломил руки, – знаешь, что такое газета? Кастинг на неделю, и даже, если найдем что-то подходящее, поток ведь не остановишь – еще месяц придется отбиваться от всяких прошмандовок, беседовать, выслушивать их горестные истории... сделаем проще. Я сейчас пяток объявлений распечатаю, а ты расклей их на ближайшей остановке. Придет два-три человека – из них выберешь, а потом объявления дождем смоеет, и дело с концом. Учтывая прошлый горький опыт, тест будет такой... – он поднял глаза к потолку, – «Возраст от тридцати, внешние данные значения не имеют, опыт работы секретарем не требуется...» Чтоб еще такое загнуть?

– Хватит, – Андрей испугался, как бы Володя не перегнул палку настолько, что ни одна уважающая себя женщина просто не откликнется из чувства самоуважения.

– Ну, как скажешь. А то я как-то наигрался в служебные романы, – вынув из принтера объявления, Володя протянул их Андрею, – удачи, кадровик ты наш новоявленный. Если павловские позвонят, скажи – к обеду буду, – он весело подмигнул, – счастливо оставаться.

– погоди. Может, ты сразу объявления расклеишь? Все равно мимо остановки поедешь.

– Да?.. – Володя недовольно сморщился, – ладно, давай.

Выйдя из подъезда, он остановился; представил, как вылезет из новенького «Форда» и, словно девчушка из «Аvon», начнёт лепить на столб бумажки, а еще кто-нибудь, прочтя такой дурацкий текст, будет смеяться ему вслед и крутить пальцем у виска. Чувствовать себя смешным, он боялся больше всего.

Володя сунул объявления в карман, чтоб выбросить в ближайшую урну. ...*Может же с первого раза никто не откликнуться? Может. Запросто...* Но выйдя из подъезда, остановился; достал один из листков, густо намазал клеем и наклеил прямо на дверь. ...*А это тебе, Викуля! Чтоб знала – место занято!..*

*

Проснулась Катя поздно, отдохнувшая и умиротворенная, выспавшаяся впервые за много дней. Родители уже ушли, и это стало еще одним маленьким праздником. Она потянулась, подняв руки над головой; с удивлением увидела рукава свитера. *...Как я могла уснуть, не раздеваясь, да еще, так крепко?..* Вспомнила, что ей что-то снилось, но никак не могла восстановить в памяти, что именно. Кажется, она хотела придумать себе другую жизнь, хорошую и беззаботную, но, вот, что из этого получилось?..

...Нет, бал со свечами, я наглým образом украла из какой-то книжки... оно, конечно красиво и привлекательно, но не моё... а ведь что-то же я успела себе придумать, если спала так сладко, и настроение изменилось таким коренным образом... Как же вспомнить-то!.. Но, видимо, наши сны, как и наша жизнь, существуют лишь до тех пор, пока мы существуем в них. Эта мысль сильно удивила Катю, потому что из нее невольно вытекала следующая – а чем тогда жизнь отличается от снов? Получалось, что ничем. Только в жизни еще масса ненужных, обременительных проблем, связанных с добыванием денег на еду, косметику, одежду и прочие атрибуты этой же самой жизни. Замкнутый круг какой-то...

Всплывшее вдруг слово «деньги» мгновенно разрушило, возникшую было, идиллию, но даже оно не смогло уничтожить ее полностью – все равно осталась маленькая щель, в которую можно забиться, как только станет совсем неспособно бороться за существование здесь.

Катя встала и пошла в ванную. За вчерашний день глаза стали привыкать воспринимать предметы в виде неясных расплывчатых изображений; она даже подумала, что в отсутствии очков нет никакой трагедии. *...Без них я, наверное, и выгляжу симпатичнее... хотя...* Она наклонилась к зеркалу – очень непривычное лицо, зато глаза стали необычайно большими и выразительными (она читала о таком эффекте, но никогда не решалась опробовать его на себе). *...Оказывается, надо просто решиться – решиться сломать все и начать заново!..* Эта мысль показалась такой твердой и радостной, что в душе даже мелькнула надежда на какие-то коренные изменения, которые должны произойти, именно, сегодня. Ведь сегодня она выйдет в город с совершенно другим настроением, и остальной мир тоже должен почувствовать это.

Катя умылась, долго подводила глаза, и когда вышла из ванной, отделенной от остального пространства глухими стенами, то увидела в окне низкое осеннее солнце и небо, в какие-то полчаса неожиданно ставшее лазурно голубым. На улице вряд ли потеплело, но сама слепящая яркость окружающей природы, словно подтверждала робкую уверенность в начале новой жизни.

После ухода родителей чайник уже остыл и его пришлось греть заново. На это время Катя вернулась в комнату. Солнечные блики делали ее радостной, будто наступил некий праздник, с которым так не гармонировала вся ее одежда непонятного грязно-синего цвета. Ужасно не хотелось вновь таскать на себе эту тусклую шкуру, приносившую одни неудачи и разочарования.

Катя задумчиво открыла шкаф. Среди летних платьев у нее имелось несколько относительно модных (в меру материальных возможностей); осенняя же одежда стоила гораздо дороже, поэтому об ее обновлении она даже не решалась заводить речь. И вдруг Катя вспомнила, что еще в студенческие годы у нее был шикарный красно-белый свитер! Он должен храниться в одном из чемоданов, пылившихся на антресолях. Вот он полностью соответствовал и погоде, и настроению.

Она сняла тяжелый чемодан, едва не уронив его; вытащила свитер; встряхнула. По непонятной причине моль пощадилась мягкую, аппетитную шерсть; показалось даже, что она сохранила едва уловимый запах совсем другой, беззаботной осени.

Переодевшись, Катя подошла к зеркалу. В другое время она б постеснялась выходить в таком виде на люди – свитер стал каким-то куцым, хотя ей казалось, что ее рост не мог измениться; к тому же грудь выпирала совсем неприлично. Но сегодня особенный день! Сегодня ей совершенно наплевать на то, что скажут окружающие – ей хотелось нравиться себе.

Катя слегка взбила волосы, сделав прическу более пышной похжей на растрепанную гриву – как еще изменить внешность, она не могла придумать, поэтому проглотила бутерброд с чаем и выскочила на улицу, словно опаздывая на первое свидание.

Солнечный свет ударил в глаза. Катя зажмурилась и отвернулась к темному чреву подъезда, но дверь уже закрылась, зато она увидела листок, которого не было вчера вечером.

...Небось ЖКО сообщает, когда включат отопление, – она наклонилась к объявлению. «ООО требуется секретарь-женщина. Возраст от тридцати...» Катя с удивлением прочитала адрес дома, в котором жила. Даже квартира находилась в ее подъезде, только на первом этаже! Еще раз изучила ровные строчки букв, набранных на компьютере. Сначала она подумала, что сослепу не уловила чего-то самого важного, скрывающего неминуемый подвох; потом решила, что это розыгрыш, но кому и зачем понадобилось шутить над ней так зло? Потом вспомнила, что около года назад тетя Валя переехала к очередному мужу, а квартиру сдала. Скорее всего, там, действительно, находилась какая-то организация, потому что окна по вечерам не светились, а утром и днем незнакомые мужчины иногда заходили в их подъезд, но не поднимались на верхние этажи.

Она стояла перед странной бумажкой в полной растерянности – такого просто не могло быть в реальности, потому что, если б она сама придумывала объявление о найме себя на работу, то не смогла б сочинить ничего точнее и правильнее. Она вдруг подумала: *...А как иначе? Оно ведь и написано специально для меня; именно, для меня, слепой курицы, его повесили прямо на двери, чтоб я не вздумала не заметить!..*

Катя перевела дыхание и шагнула обратно в подъезд; остановилась, поднявшись на три короткие ступеньки; боязливо протянула руку и нажала кнопку звонка. Мелькнула предательская мысль, что все равно это ловушка, непонятная и необъяснимая, а она, как дура, сама лезет в нее. Но коричневая обшарпанная дверь притягивала. Катя попыталась сделать шаг назад, но будто мгновенно лопнула связующая нить – стало даже холодно (или просто ее бил озноб); вернулись вчерашние мысли о распростертом на асфальте теле. Она не желала их возвращения, особенно после сегодняшней блаженной ночи и такого радостного солнечного утра. Еще раз нажала кнопку. Она не слышала шагов, и получалось, дверь открылась, вроде, сама собой. В проеме стоял невысокий седоватый человек с задумчивым лицом и тяжелым внимательным взглядом.

– Я по объявлению, – пролепетала Катя, – там, внизу на подъезде висит...

– Да? – мужчина улыбнулся и из глаз пропало напряжение.

Катя подумала, что, наверное, ждал он не ее, а кого-то другого, нежеланного и неприятного, а к ней здесь должно быть совершенно другое отношение – он просто не думал, что она придет так быстро.

– Проходите, – мужчина отступил в сторону.

Катя взглянула вокруг. Серый, кое-где лопнувший линолеум, вешалка с полочкой для головных уборов, за которой на обоях проступало грязное пятно – все осталось, как при тете Вале, совсем не напоминая офис некоего «ООО».

Замок щелкнул. Мужчина оказался совсем близко в полумраке тесного коридора. *...Западня захлопнулась...* – Катя, ощутила себя маленькой и беззащитной, – *соседи все на работе – даже если я закричу, никто не услышит...* Противный холодок пробежал по телу, сжимая в маленький жесткий комочек все ее существо; сразу захотелось в туалет, но мужчина не бросился на нее и даже не попытался каким-то образом привлечь внимание. Он распахнул дверь в комнату, и сам вошел первым.

– Проходите. Садитесь.

Катя вошла. В светлой и солнечной комнате она не увидела никаких орудий пыток и, вообще, ничего зловещего и угрожающего, даже постели. На столе стоял компьютер, принтер, телефон; лежали бумаги; стул в углу занимали папки, наверное, потому что шкафа в комнате не оказалось вовсе.

...*А раньше шкаф был*, – автоматически отметила Катя. Она подошла к одному из двух стульев, предназначенных для посетителей, и села, не зная, на чём остановить взгляд. Мужчина уселся за стол, молча уставившись на нее; придвинул лист бумаги, потом отодвинул его (Кате показалось, что он тоже чувствует себя не слишком уверенно). Наконец, поймав ее смущенный блуждающий взгляд, он сказал:

– Неказисто, конечно, но мы собираемся переезжать – там попримечней будет. Так что, не обращайтесь внимания.

– Хорошо...

– Меня зовут Андрей Павлович. Я – заместитель директора. А вас, как зовут?

– Катя... Екатерина Алексеевна... Ну, Катя...

Андрей одобрительно кивнул. Разительный контраст с Викой, проявляющийся, и во внешности, и в манерах, располагал его к этой девушке, но в тоже время что-то отпугивало. Может, эта ужасная манера одеваться? Все-таки женщина должна быть хоть чуть-чуть привлекательна.

– Расскажите свою биографию. Только коротко.

– А там длинно и не получится, – в первый раз Катя попыталась улыбнуться, почувствовав, что ничего страшного не происходит, и ей задают самые стандартные вопросы.

Вся информационная часть ее рассказа заключалась в двух предложениях: родилась тогда-то, училась там-то. Все остальное сопровождалось частицами «не». Андрей смотрел на девушку и думал, приятна ли она ему? Вернее, не так... устроит ли она его для совместной работы, но никак не мог ответить на этот вопрос. Познания в психологии слишком слабо отпечатались в офицерском мозгу, и чтоб сложить мнение о человеке, ему требовалось увидеть, как он ведет себя в бою, когда пули свистят над головой, или хотя бы на марш-броске километров в тридцать. Там сразу все становилось понятно, а здесь?.. Такие неестественно распахнутые глаза с увеличенными зрачками, которые могли затмить все остальное... Как он не обратил на них внимания сразу? ...*Да, кадровик из меня хреновый*, – он усмехнулся; легонько стукнул ладонью по столу.

– Ладно, все это не имеет значения. Это я так спросил, для порядка. Мы торгуем мешками. Видели, большие такие, по пятьдесят килограмм; в которых продают муку и сахар?

– Видела.

– Вот, это они и есть. Нас здесь двое – я и директор. Мы часто находимся в разъездах, поэтому необходимо, чтоб кто-то находился на телефоне и «снимал» информацию. Иногда требуется распечатать документы. Вот, собственно, и все, – Андрей замолчал, ожидая реакции, но ее не последовало.

Катя разочарованно думала, сколько же могут платить за такую работу. Наверное, рублей триста-четыреста в месяц, как «диспетчеру на телефоне»...

– Вы далеко живёте? – сбил её мысли Андрей.

– В этом же подъезде. Четырнадцатая квартира.

– Это хорошо. То есть, у нас не будет ситуаций, когда в наше отсутствие вы вдруг уйдёте на целый день, потому что забыли выключить утюг, или к вам должен прийти сантехник, или заболела ваша мама? – он вспомнил несколько причин, использовавшихся Викой.

– Что вы?! Конечно, нет!.. – Катя подумала, что здесь ей будет даже спокойнее, чем дома, но произносить вслух не стала.

– Это хорошо, – повторил Андрей. Оставалась, правда, одна, немаловажная деталь – они с Володей не определили зарплату новой секретарши, а без этого вести переговоры совершенно бессмысленно, но поскольку решение требовалось принять немедленно, Андрей решил волевым решением сохранить Викин оклад. *...В конце концов, зам. директора я или нет? Пусть она не будет спать с шефом – зато работать будет, как положено...*

– Зарплата у вас будет десять тысяч. Минус налоги, естественно. Устраивает?

Катя смотрела на него, то ли с ужасом, то ли с восторгом – она не могла даже предположить подобную цифру, ведь это в разы превышало зарплату отца, козырявшего тем, что он содержит семью. Андрей не понимал сути молчания, поэтому добавил:

– Тем более, как я понимаю, на транспорт вам тратиться не придётся. Может, потом, если мы переедем отсюда...

– Да, конечно... извините, – за эти деньги Катя готова была еще мыть полы и... «распечатывать документы» вспомнила она и ясно представила, как через секунду сказка рухнет. Скорее всего, ее просто выставят без дальнейших объяснений, но не сказать этого она просто не могла – потом всё получилось бы еще хуже. Она почувствовала, как краснеет, но ничего не могла с этим поделать, – я... не умею работать на компьютере. Вообще. Понимаете, когда мы учились, всё это только начиналось...

– Совсем не умеете? – Андрей удивился, ведь даже он уже научился одним пальцем набирать текст.

– Да...

Андрей вздохнул. Вика-то шлепала по клавишам с такой скоростью, что он не всегда успевал следить за ее ярко красными ногтями, беспорядочно исчезающими и возникающими на клавиатуре, будто капельки крови. И как Володя отнесется к такому «половинчатому» секретарю?..

– Вообще-то, вы нам подходите, – за эти полчаса Катя, словно из новобранца превратилась в *его* солдата, и теперь он уже должен нести за нее ответственность; заботиться о ней, учить, а не списывать в стройбат или сажать на «губу» за то, что она чего-то не умеет. Он не привык так поступать... тем более, в этих странных глазах читалась такая мольба, что, не готовый к мгновенному решению, Андрей отвел взгляд. *...Черт, насколько все-таки с мужиками общаться проще, чем с бабами!..*

– Я думаю, что мы решим ваш вопрос положительно, – произнес он тоном заостренного бюрократа, и сам почувствовал это, – Владимир Иванович появится, и мы с ним все обсудим. Не возражаете, если я зайду к вам потом и сообщу результаты? – Андрей улыбнулся, чтоб хоть как-то сгладить казенные фразы.

– Да, конечно, – Катя поднялась. Она уже поняла, что все ее утреннее состояние оказалось безжалостным обманом, и солнце вылезло на небо совершенно случайно, безотносительно к ней. Все рушилось в сознании настолько быстро, что она даже не поняла, как вновь оказалась на лестничной площадке, и дверь, за которой получая десять тысяч, она могла б вернуть ощущение собственной значимости и человеческого достоинства, закрылась. Она точно знала, что закрылась навсегда.

Катя подумала, что похожа сейчас на кошку, которую подобрали на улице, обогрели, накормили, а потом выбросили обратно из-за какой-то дурацкой разбитой чашки...

Идти в город и пытаться найти что-нибудь другое не осталось ни сил, ни желания. И, вообще, это бесполезно! Это пустая иллюзия, вызванная необходимостью отработать злосчастные сто рублей – последние сто рублей в ее жизни...

Катя открыла дверь квартиры. Знакомый запах охватил ее, внушая своей въедливой неизменностью, что он вечен, и вырваться из него ей не суждено никогда. Тупо глядя в расплывающееся пространство, она сняла туфли; стащила мерзкий, ставший вдруг колючим, свитер, сбросила юбку, оставив ее лежать на полу, и рухнула на диван. Слезы полились сами собой;

сначала незаметно, и она утирала их рукой, размазывая по щекам, но напор возрастал – они уже сотрясали все тело; рот непроизвольно открылся, словно противная соленая жидкость должна была хлынуть и оттуда. Катя почувствовала, что задыхается от рыданий и остановиться сможет, только когда вся влага выйдет из ее организма.

Продолжалась эта истерика довольно долго, пока, обессилев, она не затихла, продолжая лишь еле слышно всхлипывать в мокрую подушку.

Вдруг стало холодно. Как вчера, она натянула, валявшийся на диване, плед; свернулась под ним калачиком, укрывшись с головой, и стала часто-часто дышать, чтоб согреть тесное темное пространство.

Темнота успокаивала. Катя перестала дрожать и даже позволила себе вытянуть ноги. Измотанные нервы требовали отдыха. Она закрыла глаза, и будто провалилась в какое-то другое измерение, в котором не было, ни чертовых компьютеров, ни странных людей, торговавших мешками, а существовала лишь темнота и тишина. Остальное все осталось за гранью восприятия, и она наслаждалась этим состоянием, близким к невесомости. Что это было, она не могла понять, но, точно, не смерть, ведь ее сознание работало абсолютно четко, отслеживая каждый миг этого странного бытия.

– ...Мама, – сказала Хетти, – а я найду дорогу в Страну Вечности?

– Глупенькая, – по тому, как изменилась интонация голоса, Хетти поняла, что мать улыбается, – тебя проводит Анубис. Он только с виду страшный, пугающий всех шакальей головой... как пугает смерть. Но он добрый. На его солнечном корабле ты переплывешь Озеро Лилий, пройдешь Поля Камыша...

– И как там все будет, в Стране Вечности?

– Никто еще не вернулся оттуда, и никто не рассказывал, что там. Но я дам тебе с собой все твои платья, мы с отцом соберем много рыбы, я напеку лепешек. И еще мы дадим тебе твою сестру. И кошка Миу тоже пойдет с тобой.

– Как хорошо, что Миу пойдет со мной, – Хетти счастливо засмеялась, но тут же погрузилась, опустив лицо, – жаль только, что там не будет тебя и отца.

– Может быть, мы уже будем там и встретим тебя. В Стране Вечности тебя ждет большой город...

– Больше Буто?

– Больше. Там гораздо больше домов, и все они высокие, похожие на дворец Владыки Двух Земель; там много еды...

– И я буду все это видеть? – мечтательно спросила Хетти.

– Конечно, будешь.

– Я даже увижу, как я выгляжу... на кого я похожа...

– Может быть, ты и не будешь такой, как сейчас, ведь твой дух, твой Ка, соединится со своим хранителем. Когда это произойдет, ты станешь счастливой, как птица ибис с маленьким хохолком...

– Как все это здорово! А почему мы не можем сразу родиться в Земле Вечности?

– А тогда, как можно понять, насколько прекрасна та жизнь?

– Я уже поняла это! Что еще я могу понять здесь? Ведь такую, как я, никто не возьмет замуж; у меня никогда не будет детей, своего дома, где б я пекла лепешки, плела циновки...

– Ничего, Хетти, – мать горестно вздохнула, – зато в той стране у тебя не будет никаких забот. Только дождись часа, когда Осирис вознесет ладони, выпуская твое Ка из темницы...

*

После ухода Кати Андрей долго смотрел в одну точку. Сегодня, когда он увидел эту девушку вблизи, она показалась ему еще более знакомой, чем в первый раз, когда она расте-

рянно выскочила из подъезда. Откуда это непонятное ощущение, понять он не мог. Неужели он просто видел ее в подъезде и так хорошо запомнил? Странно, ведь не было в ней ничего такого, на что обычно обращают внимание мужчины. А сегодня в этом подростковом ярком свитере она выглядела и вовсе смешно.

...Ерунда все это, – подумал Андрей, словно отряхиваясь от своих мыслей, – главное, правильно ли я сделал, обнадежив ее? Как отнесется Володя к тому, что она не умеет печатать?..

Андрей прошелся по комнате. Тишина и безделье не расслабляли, а, наоборот, требовали чем-то занять голову. О работе не думалось, потому что пока из Краснодара не придет новая партия мешков, пристраивать их – занятие неблагодарное и бесполезное. Проблемы надо решать по мере их возникновения – это являлось его принципом на протяжении многих лет. Жизнь настолько непредсказуема, что заранее подстраховаться от всех ее изгибов и изломов, просто невозможно; не стоит думать и о том, как Володя отнесется к его выбору. *...Вчера я уже угробил кучу нервов, вырабатывая тактику в битве за увольнение Вики, а, оказалось, что мне еще и «спасибо» сказали...*

Вообще-то Андрей знал много самых разных вещей, о которых мог бы думать, но они были совсем не тем, к чему хочется возвращаться добровольно. Например, он знал, как обшить грузовик листами брони и таким образом получить вполне приемлемый вариант легкого танка. Или, что из карданного вала КамАЗа можно выточить ствол для миномета, стреляющего штатными армейскими минами, а чтоб напугать противника, достаточно на ствол автомата подвесить обыкновенное ведро – тогда выстрел сразу станет похож на звук танковой пушки...

Для чего все это могло ему пригодиться, если война закончилась? Он надеялся, что все войны для него уже закончились, но продолжал оставаться солдатом – пожизненным солдатом на все времена, потому что ничего другого в жизни не знал. Хотя, может быть, и знал, но цена всего этого другого оказалась настолько мала, что просто потерялась в бессмысленной кровавой мясорубке.

Из другой жизни он помнил, что если хочешь, чтобы тебя заметили с вертолета, надо развести костер, называемый «индейский вигвам», а если предстоит пролежать на снегу всю ночь, то лучше разжигать «финский ракатулет» из толстых сосновых бревен. Еще он помнил до автоматизма, что надо делать, если перед тобой находится противник с ножом, два противника с двумя ножами, три противника с тремя ножами...

То есть, если анализировать прошлую жизнь, то оказывается, всю ее он готовился воевать. Война – это апофеоз его жизни. А теперь войны нет, и ему всего лишь надо решить, будет ли эта странная, неуверенная в себе девушка сидеть в их обшарпанной комнате и отвечать на телефонные звонки. Если б это была та женщина, которую он убил под Дубоссарами, то, наверное, не пришлось бы мучиться таким глупым вопросом.

Андрей вспомнил ее счастливый взгляд *...Нет, той женщины больше нет, и она никогда не вернется!.. Я должен думать только об этой женщине!..* Моргнул, тяжело поднялся из-за стола и подошел к окну. Тишина угнетала, но Андрей знал, что не бывает просто тишины – бывает затишье перед боем или после боя, а просто тишины не бывает. Скорее бы вернулся Володя, с которым можно отвлечься от прошлого и решать примитивные проблемы, связанные с мешками, выполнять простейшие задания, которые он, тем не менее, считал боевыми...

Усилием воли и фантазии Андрей попытался представить новую секретаршу... как ее... Екатерину Алексеевну. Странно, но картинка не получалась. Бумажки, будто сами перекладывались на столе, сама поднималась телефонная трубка, сами собой нажимались клавиши, но за столом никого не было. Даже этот ужасный, словно извлеченный из старого чемодана, свитер он не мог представить. Над стулом витало непонятное облако, и сколько Андрей не вглядывался в него, не мог разглядеть человеческих черт. Облако колыхалось, словно от дуновения ветерка, и тогда в нем проступали, то ли ветки незнакомых растений, то ли какой-то мутный

поток, который гораздо шире речки Оловянной, Днестра или даже родного батюшки-Дона. Хотя нет, это не могло быть никаким облаком или пейзажем, просто он забыл, как она выглядит и все.

...Совершенно идиотское состояние! Как я мог забыть то, что произошло час назад?..

Андрей решил проверить свою память – закрыл глаза и вжал их пальцами, пытаясь добраться до информации, которую сам для себя давно сделал запретной...

... – Выходи, сука, – услышал он собственный голос и почувствовал, что снова стоит на шаткой лестнице и обводит чердак бледно-желтым лучом китайского фонарика.

Девушка не пряталась и не пыталась бежать. Она лишь повернулась и отставила в сторону длинную винтовку с оптическим прицелом. Ее глаза смотрели совершенно безразлично, словно она не слышала приказа.

– Брось оружие и спускайся! – Андрей направил автомат ей в грудь.

Девушка неловко поднялась – низкий потолок не позволял ей выпрямиться в полный рост. На ней был тренировочный костюм; темные волосы забраны в хвост, а глаза... эти чертовы глаза... неужели она не понимает, что сейчас ее убьют?!

– Возьми. Хорошая машина. Жаль, патроны кончились, – она протянула винтовку, держа ее за ствол.

Андрей ощутил на прикладе глубокие параллельные зарубки, за каждой из которых скрывалась чья-то непрожитая жизнь. Андрею показалось, что снайперша специально отдала оружие именно таким образом.

– Сколько? – спросил он.

– Тридцать восемь, а что? – голос у нее звучал мягко, с чуть заметным южным выговором.

Андрей представил эти тридцать восемь живых, смеющихся пацанов. Что они делали? Да не важно, но они смеялись и были еще живыми. Это же целый взвод!

– Ты понимаешь, что с тобой сделают? – он взял девушку за руку, чтоб она не сумела прыгнуть первой и броситься бежать.

– А что со мной можно сделать? Затрахаете до смерти, а труп бросите на дороге. Как Ингу. На большее фантазии вряд ли хватит. Но моя-то всего одна жизнь, а ваших было тридцать восемь! – их лица оказались совсем близко, и Андрей увидел, как поднялись уголки губ, обнажая ровные зубы, а глаза прищурились. Кажется, в них даже появился блеск... или это просто солнечный луч, заглядывающий в разбитое окно, отразился в темных зрачках. Андрей не нашелся, что ответить. Она была права, и от этого бессилия поднималась такая злоба, что хотелось тут же, немедленно всадить в нее весь магазин, но что-то мешало это сделать. Странное чувство, совсем не похожее на жалость... Он помнил похожее ощущение с детства, когда в седьмом классе их с экскурсией повезли на место Полтавской битвы, и он увидел огромный черный крест с надписью «Храбрым шведским войнам от русского царя». Лучше бы он накрыл это снайперское гнездо из гранатомета в честном бою!..

Держась за руки, они вышли на улицу и зажмурились от яркого солнца. Остановились. Самое странное, что она и не думала бежать, хотя момент казался самым подходящим. Андрей чуть повернул голову, глядя на ее тонкий профиль, полузакрытые глаза и раздувающиеся ноздри, жадно вдыхавшие сухой горячий воздух. Вокруг стояла добрая мирная тишина, нарушаемая лишь кудахтаньем кур и призывными криками кошки, требовавшей любви. Даже руины, оставшиеся после ночного боя, уже не горели, а лишь слегка дымились, выпуская в безоблачное небо голубоватый шлейф. Если б не они и сгоревшие «Жигули» на повороте, все могло быть совершенно по-другому...

– Куда идти-то? – спросила снайперша, видимо, поняв, что перед смертью не надышишься, а ожидание гораздо хуже, чем сама смерть.

Андрей очнулся, поправил автомат. Металл лязгнул, окончательно возвращая его к реальности.

– Сейчас узнаешь, – он дернул девушку за руку.
– Пальцы сломаешь. Что вцепился? – она усмехнулась, – не бойся, не сбегу.
– Так я и поверил, сука молдавская...
– Сказала, не сбегу! Мне бежать некуда.
– Знаю я эти сказки. У вас тут у всех русские родню поубивали, а вы теперь справедливо мстите, да?

– Причем здесь русские? – девушка пожала плечами, – я – интернатская; мне, вообще, некуда бежать.

Андрей остановился и вдруг увидел, какая она маленькая и хрупкая, ростом чуть больше своей винтовки, которую он нес в свободной руке, а на груди криво болтался значок «мастер спорта СССР».

– Биатлонистка, что ли? – спросил он. (Эту информацию он почерпнул из газет).

– Какой у нас биатлон? Стендовик. Но оно тоже ничего. А почему ты про белые колготки не спрашиваешь? Я читала, у вас пишут, что бабы-снайперы обязательно в белых колготках ходят. Так я специально купила еще в Кишиневе, – она беззаботно рассмеялась, – на чердаке остались. Думала, когда меня накроют, успею надеть, чтоб не нарушать традицию, но больно неожиданно ты вылез...

– Послушай... – они продолжали стоять посреди деревенской улицы, и, если б не автомат и не винтовка, могли б сойти за влюбленных, обсуждающих совместные планы на вечер.

– Меня Оксаной зовут, если интересно.

– Не интересно, – Андрей подумал, что она может никуда и не побежать, а полезет целоваться, и когда, по сценарию, он потащит ее в кусты, попытается убить. ...*Наверняка у нее припрятан нож, ведь я даже не обыскал ее!*

– Ну, коли не интересно... – она вздохнула, – тогда слушаю.

– Если русские не сделали тебе ничего плохого, то зачем... – он хотел сказать «ты нас убивала», но не успел.

– А что мне еще делать? – перебила снайперша, – идти работать? Так всё ведь остановилось. Сейчас все воюют, и я воюю. Мы ж тебе тоже ничего плохого не сделали, но ты пришел сюда. Тебе платят за это, и мне платят. Только гораздо больше.

Андрей не нашелся, что ответить, ведь он, и правда, пришел сюда исключительно зарабатывать, потому что маленькая страна Молдова никак не могла угрожать большой и могучей России.

– А еще ты, наверное, хочешь спросить, – продолжала снайперша, – почему я спокойно стою и не пытаюсь свалить, да?

– Я не дам тебе свалить. Ты убила...

– Дашь, куда ты денешься, – она смеялась так легко и весело, что Андрей чуть не разжал руку, – я ж спортсменка. Ты даже не представляешь, что я умею в постели.

– Мне все равно...

– Мне тоже, – она кивнула, – а знаешь, почему? Я сейчас тебе расскажу; расскажу, чтоб ты не думал, что победил. Победить нельзя, потому что жизнь вечна.

– Как это? – не понял Андрей.

– Дай сигарету, а то мои там, вместе с колготками, остались.

Андрей покрутил головой, думая, как это сделать; потом просто бросил на траву винтовку и достал из кармана пачку.

– Спасибо, – она затянулась, выпуская дым в сторону, – ты веришь в бога?

– Нет. А ты думаешь, что попадешь в рай? – Андрей почувствовал, насколько мудрее и опытной этой соплячки, которую в спорт-интернате только и научили, что метко стрелять, а в остальном она осталась ребенком, верящим в сказки.

– Я не попаду в рай, и ты не попадешь, – она снова затянулась, – мы все рано или поздно вернемся на землю – в прошлое, которого не помним, или в будущее, которого не знаем, но все вернемся. Эта жизнь мне не удалась, поэтому я не боюсь прекратить ее.

Андрей почувствовал, что дальше не должен слушать эти бредни – ее уверенный голос и спокойный взгляд оказывали какое-то гипнотическое действие. Может, все молдаванки – цыганки, и если в России они выпрашивают у прохожих деньги, то здесь ставки гораздо выше?..

– А, вот, сейчас мы посмотрим на твою вечную жизнь, – он выпустил руку снайперши и передернул затвор, – иди! Я посмотрю, как ты побежишь, спасая свою шкуру, но я все равно достану тебя! Я тоже хорошо стреляю.

Снайперша удивленно опустила взгляд на освобожденную руку; пошевелила затекшими пальцами.

– Ты прямо делаешь мне шикарный подарок.

– Беги! Никаких подарков я тебе не делаю!

– Ладно, – она повернулась и медленно пошла по улице.

Андрей смотрел ей вслед и судорожно думал, зачем это сделал? Какая разница, надеется она попасть на небо или вернуться на землю – это ее личное сумасшествие. Главное, она убила тридцать восемь хороших молодых ребят, а он, можно сказать, отпустил ее.

Расстояние все увеличивалось, но снайперша продолжала идти так же медленно и уверенно. Мелькнула мысль, что, вот так, неторопливо и размеренно, словно гуляя, она может, в конце концов, просто скрыться за горизонтом. Андрей вскинул автомат, но убивать в спину претила солдатская честь. Как сейчас он был зол на себя! Лучше б он застрелил ее там, на чердаке!..

– Повернись, черт тебя возьми! – крикнул он, – или беги!

Снайперша остановилась и повернулась к нему лицом, хотя находилась рядом с домом, в который запросто могла юркнуть.

– Я же сказала – мне некуда бежать. Я хочу новую жизнь.

В полной растерянности Андрей опустил автомат. ...*Неужели она не понимает, что жизнь дается всего одна, и сейчас она потеряет ее навсегда?..*

– Я повернулась! Дальше что? – крикнула снайперша.

Андрей почувствовал, что не выдерживает поединка – еще минута и он попросит объяснить, какая она бывает, другая жизнь – ведь, если разобраться, его собственная ему тоже не очень-то удалась. Надо было немедленно прекратить это мракобесие! Он вскинул автомат и дал длинную очередь.

Стрелял Андрей иступленно, словно не видел, что его мишень уже лежит на земле без движения, и остановился, только когда автомат замолчал сам, расстреляв оставшиеся патроны. Опустил оружие, и оно, как указатель направления, ткнулось стволом в землю. ...*Все будем там и нигде больше...* – подумал Андрей с облегчением. Пусть ее смерть оказалась менее мучительной, чем желали бы братья-казаки, но она умерла, и в этом суть – он исполнил долг.

Андрей подобрал трофейную винтовку и медленно побрел к лагерю, но проходя мимо трупа, остановился. Залитый кровью спортивный костюм и рваные раны на груди были зрелищем привычным и обыденным, а, вот, ее открытые глаза... они продолжали улыбаться так естественно, будто жизнь и не думала покидать их. Андрей поддернул ремень автомата и быстро зашагал прочь – после таких ранений убеждаться, что она мертва, не имело смысла...

– Алло! Подъем! – услышал он жизнерадостный голос; встрепенулся. ...*Неужто я задремал?..* Протер глаза.

– О, черт!..

– Что ж ты, Андрей Павлович, по ночам делаешь? – Володя засмеялся и плюхнувшись на стул, тут же достал сигарету.

– Это я так, в воспоминания углубился, – Андрей пригладил волосы, принимая обычное рабочее состояние.

– А я «бабки» привез, – Володя вывалил на стол несколько толстых упругих пачек, – тебе деньги сейчас нужны?

– Вроде, нет. Кстати, я позавчерашние в сейф кинул.

– Ну, тогда пусть там же лежат, – Володя открыл сейф, – с Краснодаром рассчитаемся и поделим, – он задвинул пачки поглубже и захлопнув дверцу, повернул ключ, – по объявлениям никто, конечно, не приходил?

– Приходили.

– О, как?! – Володя искренне удивился. Уж он-то знал, что нигде, кроме родного подъезда, не клеил никаких объявлений.

– Женщина. Тридцать один год; высшее образование; не красавица, но в работе, по моему, очень нуждается.

– Так в чем дело? Пусть работает.

– Она компьютера не знает, – Андрей отвернулся, чтоб не видеть реакции, но не услышать ее не мог.

– А, на фиг, она нужна без компьютера? – Володя затушил сигарету, – с роду не думал, что в наше время есть такие debilки.

По большому счету, Андрей и не ожидал другого ответа, но зачем-то ведь он обнадежил ее...

– Слушай, – сказал он рассудительно, – у нас ведь не так много бумажек. Зато она прямо в нашем подъезде; не замужем – работать может хоть круглосуточно. Подумай, как это удобно.

– Удобно что? Давай тогда лучше включать автоответчик – эффект тот же, а зарплату платить не надо.

– Я, вообще-то, сказал ей, что мы, типа, решим ее вопрос... – Андрей бросил последний, самый мелкий козырь.

– Значит, скажи, что не решили. Ты пойми, нам нужен секретарь, а не галчонок, который орет: – Кто там?..

– Она научится. Даже я, тупоголовый солдат, и то научился.

– Во-первых, не такой уж ты тупоголовый, – Володя достал новую сигарету, – а, во-вторых, извини, но кроме распечатки накладных, существует еще Интернет. Ты не замечал, что Вика там часами висела? Думаешь, откуда всякие Астраханские, Барнаульские, Пензенские клиенты брались? Мы с тобой туда не ездили, правда?

– Ну, нет, так нет, – Андрей вздохнул, – значит, будем ждать кого-нибудь еще.

– Давай подождем, – Володя подумал, что ему все-таки придется расклеить чертовы объявления, и в сумерках это делать гораздо сподручнее, чем утром, когда все только и делают, что глазуют на тебя, – Вика не приходила? – вспомнил он.

– Нет.

– Вот, сучка. Ну, ладно, трудовая-то ее здесь – никуда не денется, – он посмотрел на часы, – завтра Самара приедет, последнее заберут, так что пора в Краснодар звонить – пусть фуру грузят, – он набрал номер, но никто не ответил, – пять часов – там уже не работают. Давай тоже закругляться? Пока не узнаем, когда придет фура, обещать все равно нечего. Ты идешь?

– А дома чего делать? Я посижу для порядка.

Когда Володя ушел, Андрей вздохнул, ведь дело было вовсе не в том, что дома ему скучно – там можно спокойно лечь на диван и смотреть телевизор, прыгая с одного канала на другой, а вот здесь как раз заняться нечем, если, конечно, не считать того, что он обещал зайти к Екатерине Алексеевне.

Собственно, в процедуре отказа он не видел ничего особенного – работодатель имеет право выбирать лучшее. Они ж не брали ее не по каким-то личностным мотивам, а по про-

фессиональным – то есть, совершенно объективно. Но все равно что-то Андрею в этой ситуации не нравилось, только он никак не мог сообразить, что именно – над ним, словно висела какая-то непонятная вина. Вот, только откуда она взялась, ведь, вроде, все выглядело абсолютно логично...

Он долго сидел, закрыв глаза, пытаясь припомнить подробности их разговора. ...*Разговор, как разговор; в принципе, я ж не брал на себя никаких конкретных обязательств... а тогда в чем дело? Если б, например, она понравилась мне как женщина, другое дело. Но она же... никакая... существо в юбке. Тогда что, черт возьми?! Почему других я могу вообще не замечать, а эту...* Андрей открыл глаза, разглядывая жирное пятно на обоях. ...*Почему я не могу тупо подняться к ней и сказать: – Мадам, вы нам не подходите; закрыть дверь и забыть навсегда? Что это – жалость? Забота? Какая, к чёрту, забота?.. О ком? О человеке, которого первый раз видишь? Их столько стоит на улице с протянутой рукой, и почему-то никогда не возникает желание кинуть им монетку!..*

Нет, можно, конечно, пустить все на самотек; никуда не ходить, ничего не объяснять – авось, сама поймет... как сейчас говорят, типа, не прошла кастинг, но это не выход. Как я не люблю это ощущение незавершенности, двойственности... приказы должны выполняться точно! В этом заключается поступательное движение в развитии цивилизации – в противном случае, в мире наступит хаос и неразбериха... а чем дольше взвешиваешь «за» и «против», тем сложнее выполнить приказ!.. Эту истину Андрей усвоил еще в училище, и потому всегда старался направлять мыслительные усилия на нечто абстрактное, а не на то, что непременно должен исполнить. Только сейчас почему-то не получалось.

Не одеваясь, он вышел из офиса, поднялся на четвертый этаж и вдруг почувствовал, что все его терзания непонятным образом исчезли. Как страх, который не дает уснуть в ночь перед атакой, а потом пропадает сам собой, едва увидишь лица солдат и туманную высоту – ею надо, либо овладеть, либо умереть.

...Все-таки Устав – великая книга, а воинская дисциплина – высшая степень человеческих отношений!.. Расплывшиеся по палитре сознания краски, сконцентрировались, обретя два таких правильных, привычно понятных цвета – черный и белый, а вся философская галиматья сразу провалилась в бесцветную, бездонную пропасть между ними.

Пока Андрей держал кнопку звонка, успела промелькнуть еще пара мыслей: *...вот, если никого не оказалось дома, я б оставил записку с временем визита и закрыл вопрос... да в чём вопрос-то? Никакого вопроса нет. Просто кто-то может прыгать с парашютом, а кто-то не может, и больше ничего...*

Дверь неуверенно открылась. В полумраке коридора лица девушки Андрей не мог разглядеть, но в ее фигуре угадывалась такая неуверенность и покорность, что он не смог выпалить с порога заранее подготовленную фразу и сразу уйти. Он почувствовал, что должен увидеть ее широко распахнутые глаза с огромными зрачками, смотревшие как-то неправильно, словно не видя собеседника; их взгляд не проникал сквозь него, а, вроде, обтекал, собираясь в точке, именуемой «бесконечность».

– Можно войти? – спросил Андрей. ...*Господи, зачем я это делаю?! Что мне до ее проблем? Она нам не подходит и точка! Мало ли таких ходит по городу, и что ж теперь?..* Но Катя уже отступила в сторону, освобождая проход; Андрей сделал шаг и остановился. ...*Да включи ж свет! Я только посмотрю на тебя!..*

– Проходите. Возьмите тапочки.

Андрей наклонился, и в это время щелкнул выключатель, но не мог же он бросить наполовину развязанный шнурок, чтоб подняться и впериться ей в глаза! А Катя в это время пошла вглубь квартиры. Она не ждала гостей, поэтому одежда валялась так, как она бросила ее во время утренней истерики, а на диване лежал скомканный плед, из-под которого она только что вылезла, потревоженная звонком.

Андрей втиснул ноги в облезлые тапочки. Он видел, как Катя сворачивает плед, аккуратно укладывает его в угол дивана.

– Вы спали? Извините, – сказал он, входя в комнату.

– Просто лежала. Зябко как-то, – девушка повернулась, и Андрей решил, что она все прекрасно понимает и можно, вообще, ничего не говорить. Но зачем тогда он пришел и что теперь должен делать?.. Тут же обуться и уйти?.. Глупо.

– Садитесь, – Катя пододвинула стул.

– Спасибо. Знаете... всё-таки без компьютера вы вряд ли сможете у нас работать, – Андрей видел, как дрогнули ее губы, но глаза... эти ни на что не реагирующие глаза заглядывали ему за спину печально и внимательно. Что они могли рассматривать на книжной полке? Неужто она заметила там нечто, привлекающее внимание сильнее, чем то, что ей отказывают в работе? А, может, они не видели ничего... то есть, вообще, ничего?..

– Но вы не расстраивайтесь – окончите какие-нибудь курсы, а мы пока временно...

Катя отрицательно покачала головой, и Андрей остановился, не закончив фразу.

– Почему? Сейчас их на каждом углу пруд пруди.

Катя стеснялась признаться, что на курсы у нее нет денег и заканчивая беспредметный разговор, просто сказала:

– Спасибо вам за все.

Андрей ничего не понял, а когда он чего-то не понимал, то начинал чувствовать себя неуютно. Да, собственно, что ему еще здесь делать? Миссию он выполнил – даже сумел предложить какой-никакой вариант. Он поднялся.

– Вы э-э... – имя девушки вдруг вылетело из головы, – все-таки прикиньте; там учиться всего пару месяцев...

– Хорошо, – Катя подумала, что сейчас он уйдет, и жизнь закончится. Да, он не смог дать ей работу, но одно присутствие человека, который пытается тебе помочь, рождало, если не уверенность будущем, то, по крайней мере, уничтожало чувство безысходности и абсолютной ненужности. Она смотрела на расплывающееся лицо Андрея и пыталась его запомнить, чтоб потом, может быть, он являлся в ее снах, успокаивая, участвуя в создании новой радостной жизни. Удержать его она не могла; да, и зачем? Реальный, он уже сделал для нее все, что мог...

– Вы уж извините, что так получилось, – Катя тоже встала.

– Я?! – Андрей искренне удивился, – это вы извините. Надо было указать в объявлении, что знание компьютера обязательно.

– Да, надо было...

Они вышли в коридор. Андрей обулся быстро даже для спешащего человека; Катя к тому времени уже открыла дверь.

– До свидания, – Андрей выскочил на площадку и замедлил шаги, лишь оказавшись перед дверью офиса. ...*Какие все-таки сложные эти неуставные отношения*, – он достал ключ, – *то ли дело, приказ, который надо исполнить, и все будет правильно. А здесь, попробуй, разбери, кто прав, кто виноват...*

Катя выключила свет и прислонилась спиной к двери. ...*А, собственно, разве я ждала чего-то другого? Оказывается, ждала. Просто готовила себя к худшему, а сама ждала. Но наступило это «худшее»... С другой стороны, все просто вернулось на круги своя, к состоянию сегодняшнего утра. Или стало еще хуже?..* Наверное, стало, потому что на краткий миг перед ней мелькнула надежда, и все проблемы отвалились, как скорлупа, а душа была близка к состоянию полета... Нет, она не ощущала этого тогда – только сейчас ей стало казаться, что так было. ...*А на самом деле ничего из ряда вон выходящего не произошло – просто мне в очередной раз отказали...* Станным было другое – несмотря ни на что, желание распахнуть окно и шагнуть в никуда почему-то исчезло.

...Почему так? Ведь это мой последний запасной выход!.. Пытаясь понять случившуюся метаморфозу, Катя вернулась в комнату и растворила окно, оторвав ленточки бумаги уже подготовившие его к зиме, и уставилась вниз. Вновь попыталась представить свое тело, распростертое на асфальте, но это зрелище не принесло, ни желаемого облегчения, ни мыслей о выходе из тупика, как было в прошлый раз. Что-то все-таки поменялось, только она не могла понять, что именно. Неужели человек, с которым она познакомилась лишь утром, так быстро изменил ее мировоззрение? Каким образом? Ведь это обычный работодатель, поступивший точно так же, как поступали до него все остальные.

Она тупо смотрела в одну, в только ей одной видимую точку на асфальте; смотрела долго, пока все не стало сливаться в единую, серую массу, и только шелест листьев временами усиливался под порывами ветра, заполняя пространство. Казалось, кроме этого звука, вокруг не существовало ничего; он звучал в ушах, становясь все ровнее, будто шумели не жесткие осенние листья, а нечто мягкое и невесомое...

– ...Мы не можем так поступить с ней, – сказал робкий женский голос, – Хетти все-таки наша дочь.

– Я знаю, что она наша дочь, – ответил мужской, – но по приказу Владыки теперь мы должны будем платить за нее подать, как за полноценного члена семьи. У меня нет столько денег. Мы потеряем дом из-за этого слепыша, который никогда не сможет принести никому пользы. Подумай о нас.

– А что будет с ней, если мы оставим ее в камышах, куда так редко заходят люди?

– Не знаю. Но я знаю, что будет с нами, если мы не сделаем этого! А она пойдет за Осирисом, и у нее будет другая жизнь в Стране Запада. Разве ты сама не говорила, что она хочет этого?

– Да, наверное, ты прав... мужчина всегда прав, – женщина тяжело вздохнула.

Хетти слышала этот вздох – кажется, он даже заглушил шелест камышей. До ее сознания стал доходить разговор родителей, но он не вызвал страха, хотя она понимала, что, скорее всего, больше никогда не вернется в свой дом и не будет есть горячих лепешек, только вынутых из печи. А больше всего ей было жаль, что с ней нет кошки Миу – мать ведь обещала, что отдаст ей Миу, когда будет собирать в Страну Запада. Почему она хочет отправить ее одну, не дав, ни еды, ни питья, ни сестру, на которой, кроме нее, все равно никто в доме играть не умеет? А, может, она уже сложила все это где-нибудь поблизости?.. Хетти ощупала песок вокруг, но пальцы ощутили только крупные влажные крупы, и еще побеги, толстые и упругие. Наверное, они и назывались «камыш».

Хетти уже хотела сказать, что не надо печалиться, и она согласна уйти в Страну Запада, только боится, что не доберется туда без еды, но отец, словно прочитав ее мысли, сказал:

– Я ей приготовил все для пути. Надо придумать, где оставить это, ведь она жива и не сможет удержаться, чтоб не поесть – тогда ей ничего не останется в дорогу, так ведь?

...Я смогу! Мне бы только добраться до Страны Запада, где я буду видеть, ничем не отличаясь от других Ка!.. – хотелось крикнуть Хетти, но она боялась показать, что слышит разговор. Ведь отец мог изменить свое решение, и от этого станет хуже всем, поэтому Хетти продолжала сидеть на границе зарослей – там, куда смогла дойти, не путаясь в стеблях, когда отец попросил ее выйти из «лодки».

...Интересно, они не догадываются, что я их слышу или, наоборот, делают это специально, чтоб я могла подготовиться?.. Она задумалась и пропустила несколько фраз, наверное, самых главных, потому что это были последние фразы. Потом весла ударили по воде, сначала раз, потом второй; нечто с мокрыми изогнутыми боками, называемое «лодка», видимо, удалялось, потому что звук становился все тише и тише, теряясь в шелесте камышей.

Хетти медленно пошла к воде. Если б она могла покинуть этот мир сейчас, немедленно, не испытывая мук, связанных с голодом и жаждой! *...Наверное, надо войти в воду и идти*

по ней долго-долго. Мать ведь говорила, что Нил очень глубокий, и в нем могут утонуть даже все дама Бутто. Я буду идти, пока вода не поглотит меня, и тогда меня подберет солнечный корабль!.. И все сразу станет по-другому – я буду видеть, куда повезет меня Анубис... Интересно, как выглядит его голова – голова шакала?..

Нога Хетти ткнулась во что-то мягкое, и девушка наклонилась; ощупала сверток, от которого пахло лепешками и рыбой. Рядом лежала ее сестра. Не хватало только кошки Миу...

Серая мгла рассеялась, возвращая неровную поверхность асфальта, пустую, давно не крашенную скамейка у подъезда; только, оказывается, пошел дождь, а Катя даже не заметила этого. Она подняла голову – тополя продолжали шуметь, дрожа оставшимися мокрыми листочками, и этот звук совсем не походил на тот, что пригрезился ей минуту назад. ...*Мало того, что слепая, так еще начались проблемы со слухом!*.. Катя закрыла окно и уселась на диван. Неторопливо тикали часы, отсчитывая время до прихода родителей, и она вдруг почувствовала, что ей абсолютно безразлично, как пройдет вечер. Она устала каждый день оправдываться за проступки, в которых не была виновата. Тем более, конца этим глупым упрекам и обвинениям не предвиделось, так как сегодня она упустила свой единственный и самый главный шанс.

Мысленно Катя вернулась в неухоженную квартиру на первом этаже, где стоял ненавистный компьютер, сломавший ее жизнь, и сидел незнакомый мужчина, к которому она почему-то сразу прониклась доверием. Она попыталась прокрутить время назад и пришла к выводу, что вела себя правильно. Все равно из этой затеи ничего не могло получиться – похоже, ее жизнь запрограммирована на неудачу.

Катя вышла на кухню, удивляясь собственному спокойствию; отрезала толстый кусок хлеба и съела его, запив водой из чайника. Этот «обед» заменил ежедневный пирожок. Потом придет мать и чем-нибудь покормит ее – здесь уж выбирать не приходилось.

Вернувшись в комнату, Катя обвела пустым взглядом знакомые вещи; взяла с полки первую попавшуюся книгу и начала читать, но события не увлекли ее. Что ей до голодной, замерзшей девушки с красивым именем Франсуаза, прятавшейся в сыром подвале полуразрушенного дома? В конце книги ее ждет богатый, уважаемый молодой человек на шикарной машине, который откроет в ней талант певицы и сделает «звездой». Катя знала это, потому что уже читала книгу очень-очень давно. Тогда она даже плакала от умиления. А кто сейчас будет плакать над ней самой?..

Она закрыла книгу, и в это время в двери заворочался ключ. Обычно в такие моменты сердце сжималось; не зная, куда деть бесполезные руки, Катя робко выходила из комнаты, пробормотав «привет» и останавливалась, опустив голову, в ожидании порции издевок и оскорблений. Сегодня она никуда не пошла, и сердце ее не трепетало от страха. Она вдруг подумала, что все равно не произойдет ничего нового, пока не закончится «стошка» ...*вернее, оставшиеся восемьдесят рублей. Тогда отец, наверное...* Что он может сделать, она не могла представить. Перед ее мысленным взором, словно вновь всколыхнулось серое море, уже переставшее быть асфальтом, но еще не превратившееся в бесконечное и безжизненное Нечто. Катя продолжала сидеть, тупо глядя на дверь, когда мать заглянула в комнату.

– Добрый вечер. Ты здорова? – спросила она.

– Да, все нормально.

– Что нового?

Катя отрицательно покачала головой, не желая ничего рассказывать, и мать вздохнув, молча пошла на кухню.

Отец вернулся поздно. С дочерью он даже не стал разговаривать. Видимо, ему надоело повторять свои не приносящие результатов нравоучения, и он, как представляла Катя, просто ждал, когда у нее закончатся деньги, чтоб принять кардинальные меры.

После ужина, прошедшего в гробовом молчании, Катя вернулась в комнату, а за стеной раздалось бормотание телевизора. Герои очередного сериала жизнерадостно страдали в ожи-

дании счастливой развязки, до которой оставалось не менее пятидесяти серий. Катя укрылась пледом и потушила свет, бывший в уставшие за день глаза; попыталась отключиться от назойливых голосов, и ей это почти удалось – она перестала различать слова, превратившиеся в ровный нечленораздельный гул, но никаких мыслей так и не возникало. О чем она могла думать? Снова о бесконечных ларьках, рынках, «сетевом маркетинге» и фирмах, которым совершенно не нужна? Этот замкнутый круг сводил с ума. Катя напрягла воображение, и за стеной очень кстати зазвучала какая-то плавная мелодия...

Из серого тумана стали медленно выплывать кружащиеся пары. Длинные тяжелые платья касались глянцевого пола. Ноги кавалеров в белых подвязках, то замирали на мгновение, то вновь начинали незамысловатые, но такие четкие движения, словно весь зал представлял собой единый организм. Огромные люстры, горевшие сотнями свечей, делали зрелище почти волшебным.

Катя попыталась отыскать в этом круговороте себя. Ей хотелось быть самой красивой, но все дамы казались по-своему хороши, и она никак не могла определиться. Ее мысленный взор переносился от одного лица к другому, от одних белых напудренных плеч к другим, и ей казалось, что она не какое-то конкретное лицо, а сам бал, и частица ее сидит в каждой из этих женщин. Но так не могло быть. Ее очарованное происходящим сознание смутно напоминало об этом, продолжая поиски все более сумбурно и судорожно, вроде, кто-то ограничил ее некими временными рамками.

Наконец, Катя решила. Ее пленили огромные голубые глаза и светлые волосы, касавшиеся обнаженной спины упругими локонами. Тонкая рука грациозно лежала на темно-синем сукне офицерского мундира, а ноги... она не видела, во что они обуты, но туфли должны были быть очень мягкими и удобными. Кавалер обнимал даму за талию, и несмотря на то, что Катя будто чувствовала эту сильную мужскую руку, прикосновение не казалось неприятным. Здесь она не боялась мужчин – наоборот, чуть склонив голову, заглядывала им в лица, видя азартный блеск глаз, и ощущая странный сладковатый запах табака. Хотелось, чтоб танец продолжался вечно, и музыканты, сгрудившиеся на небольшом возвышении в углу зала, также до бесконечности играли одну и ту же мелодию...

Проснувшись Катя ночью от шума дождя, принявшегося почему-то колотить в окно. Ее рука, только что обнимавшая кавалера, высунулась из-под пледа. В комнате было холодно, а далекий свет фонаря отбрасывал уродливые тени. Сказочный сон рассыпался, вернув ее в мир, где очень скоро молчаливый рассвет заставит вновь решать одну-единственную, неразрешимую задачу.

...Если б можно было никогда-никогда не просыпаться, – тоскливо подумала Катя, – если б эта вторая жизнь могла стать первой... О, господи, о чём это я? Какая вторая жизнь? Я придумала всю эту ерунду. С таким же успехом я б могла вообразить себя на Марсе или в Древней Греции... Она повернулась на бок и почувствовала мешавшую ей одежду – получалось, уже вторую ночь она засыпала не раздеваясь. Такого с ней не случалось раньше.

Катя нехотя встала, застелила постель, разделась и залезла под одеяло, уткнувшись в подушку, сохранявшую еле слышимый запах ее духов. Духи эти давно кончились, а запах остался, но не рождал никаких воспоминаний. Это был просто ее прежний запах.

Освободившись от матерчатых оков, Катя разметалась по постели, ощущая наготу тела и полную свободу движений. Вот, только бал, который она помнила до мельчайших подробностей, не возвращался. Мысли уже стали утренними, зацикленными на поисках проклятой работы.

– Ну, почему?.. Почему все так?.. – прошептала она, – ведь у меня есть еще несколько часов, принадлежащих мне...

Постепенно сон все-таки победил, но он был тяжелым и безрадостным, не приносящим приятных ассоциаций. Проснувшись после него, Катя уже не чувствовала себя отдохнувшей, готовой к новому дню.

*

Когда Андрей уже доставал ключ от офиса, за дверью проснулся телефон. ... *Точно, ошиблись. Кому не спится в такую рань?..* Он не спеша повесил кутку, но телефон продолжал упорствовать, будто звонивший совершенно определенно знал, что он уже здесь. Андрей нехотя снял трубку.

– Привет, – слышался торопливый голос Володи, – слушай, у нас начали отопление запускать, и стояк прорвало. Я буду тут с сантехниками заниматься, а сегодня Самара должна приехать. Деньги они привезут, а ты загрузи их и позвони в Краснодар, насчет следующей отгрузки. Я завтра буду.

– Да без проблем, – в силу несклонности к дипломатии, Андрей старался избегать вопросов, связанных с ценами, а то, что касалось кладовщиков, грузчиков и водителей изначально являлось его вотчиной – с ними не требовалось вести переговоры, а надо разговаривать, как с солдатами, иначе толку не будет.

Он положил трубку и увидел, что из факса торчит листок, видимо, пришедший поздно вечером. Оторвав его, Андрей подошел к окну. Бледные строчки читались с трудом, тем не менее, содержание ему удалось разобрать – некая фирма хотела приобрести двести тысяч мучных мешков по четыре десять. Подпись читалась – Директор Сысоев Ю. В., а вот, «шапка» с наименованием, адресом и телефонами смазалась.

...Двести тысяч – это ж целая фура, – Андрей повертел в руках бумажку, – можно прямо из Краснодара направить, не разгружая... знать бы куда?.. И четыре десять – цена сказочная... да еще без накладных на складирование, погрузку-разгрузку!.. Поднес листок ближе к глазам; потом отстранил на вытянутой руке. ... *Черт, какие-то колосья на фоне, то ли каравая, то ли колеса от комбайна... На фиг мне эта символика – лучше бы адрес пропечатался!..*

Андрей так увлекся исследованиями, что даже вздрогнул, когда телефон зазвонил снова.

– Владимир Иванович? – спросила трубка.

– Андрей Павлович. Владимира Ивановича сегодня не будет.

– Мы из Самары. За мешками. Вы в курсе?

– Конечно.

– Нам Владимир Иванович схему нарисовал, так что минут через сорок будем. Грузиться далеко от офиса? Не заблудимся?

– Я с вами поеду, так что не беспокойтесь. Жду, – Андрей положил трубку. ... *Вот и дилемма... – он уставился на листок, который продолжал держать в руке, – на складе без меня не отпустят, но и упускать двести тысяч тоже не здорово. Они ж наверняка будут звонить – может, факс не прошел... Зараза, и надо ж было, именно, сегодня отопление запускать!.. Нет, без секретаря жить нельзя...*

Он вернулся к окну, задумчиво наблюдая, как ветер тщетно пытается поднять из луж отяжелевшие от влаги листья. Еще Андрей видел свою машину, мокрую и блестящую; рядом прошла женщина под кривым зонтиком (похоже, спица сломалась, и капли стекали ей на плечо, оставляя большое темное пятно); два пацана чинно проследовали за угол, пряча в руке дымящиеся сигареты; девочка с «хвостиками», торчащими из-под вязаной шапочки, пробежала, весело шлепая по лужам...

...Обидно... очень обидно... — но дальше мысль не шла. Андрей услышал, как хлопнула дверь подъезда и в поле зрения возникла женская фигура в потертой кожаной куртке. Решение пришло по-военному мгновенно – Андрей взобрался на стул и распахнул форточку.

– Катя!!

Девушка удивленно оглянулась, пытаясь понять, к ней ли обращен возглас, но не увидев вокруг никого, пошла дальше.

– Катя! Подождите минутку! – Андрей не стал орать на весь двор, где находится (во избежание проблем с ЖЭУ они с Володей не афишировали, что квартира снимается под офис); сама же Катя никак не могла сообразить, откуда доносится голос – стена сливалась для нее в сплошную серую преграду, а двор был совершенно безлюден. Тем не менее, она решила все-таки подождать ту самую «минутку», потому что все равно никуда не спешила – у нее начинался очередной день дежурных, и, скорее всего, безрезультатных поисков.

Не одеваясь, Андрей выскочил на улицу. Катин взгляд, бессмысленно блуждавший по фасаду дома, сфокусировался на быстро приближавшейся фигуре, но выражение лица не изменилось; и лишь когда Андрей оказался совсем близко, она робко улыбнулась.

– Привет, – Андрей перевел дыхание и вдруг сообразил, что не знает, что конкретно собирается предложить – все-таки работу или просто пару часов посидеть у телефона? Скорее, последний вариант, но для этого между ними должно существовать нечто более доверительное, нежели несостоявшиеся отношения «работодатель – работник».

Они стояли друг против друга, не зная с чего начать. За прошедшие сутки Катя уже свыклась с мыслью, что не будет работать в этой фирме (она даже не успела узнать ее название, поэтому фирма осталась безликой, как десятки других, уже отказавших ей). И что же хочет от нее этот человек? Узнать который час или чем она занимается вечером?..

– Извините, – Андрей чувствовал, что выглядит глупо, остановив человека, и не объясняя, зачем это сделал, – я думаю, в будущем мы поможем вам с работой, а сегодня... если вы, конечно, не очень заняты...

– Я не занята, – поспешно сообщила Катя.

– ...Не могли бы вы тогда посидеть пару часов в офисе? Понимаете, там должны позвонить, а я сейчас уезжаю... нет, этот день я вам оплачу!..

Катя растерялась. Она не ждала никаких предложений, но вдруг подумала, что даже если он даст ей десять рублей, это все равно лучше, чем бродить по улицам в надежде неизвестно на что.

– Это очень важно, – Андрей взял ее за руку, – а с работой... я еще попробую... мы что-нибудь придумаем.

Голос у него был уверенный, и одновременно просящий – Катя чуть не рассмеялась столь странному сочетанию. Она не понимала, зачем ее так долго упрашивать сидеть в тепле и сухости, ожидая неведомого звонка, да еще получить за это хоть какие-то деньги? ...*Пусть эта «работа» будет продолжаться один день или даже несколько часов...*

– Конечно, я посижу, – она покраснела, будто он делал ей предложение выйти замуж.

– Ну, и отлично! – схватив девушку за руку, Андрей потащил ее обратно к подъезду.

Несмотря на то, что Катя была в офисе лишь раз, все показалось ей настолько знакомым, будто это ее собственная комната; даже вещи стояли так, как она сама бы расставила их.

– Садитесь, – Андрей отодвинул стул, на котором в прошлый раз сидел сам, и отошел.

Катя неуверенно села, сложив руки, как школьница на первом уроке. Андрею стало весело, и не от ее робости, а оттого, что все проблемы разрешились; жизнь вернулась в четко обозначенное русло, где можно прекрасно ориентироваться и просчитывать дальнейшие действия, а это самое главное.

– Значит, так, – он опустил на подоконник и хлопнул по коленям, – премудростей никаких нет – вот телефон, вот бумага. Если позвонят, спроси кто, откуда, чего хотят и кон-

тактный телефон. Если будут передавать факс, в трубке сначала зажужжит, а когда перестанет, нажимаешь эту зеленую кнопку. Дальше он все сделает сам. Если надо отправить факс, то вставляешь листок сюда, тестом внутрь и нажимаешь ту же кнопку.

– Отправить? – переспросила Катя испуганно, – а что и кому я должна отправить?

– Не знаю, – Андрей пожал плечами, – ну, например, вдруг нам захотят перевести предоплату, но не будут знать, куда. Здесь, – он положил перед Катей листок, – реквизиты. Тупо пошлешь им, а они сами разберутся. Вот, собственно, и все.

Возникла пауза. Андрею казалось, что он выдал всю необходимую информацию, а больше говорить им было не о чем.

– Сейчас я отъеду, – он посмотрел на часы, – так что командуй. На кухне есть кофе и кажется даже печенье осталось.

– Спасибо, я не хочу.

– Не стесняйся... – он не закончил фразу, потому что в дверь постучали, – все. Я пошел; вернусь часа через два-три.

Катя слышала негромкий разговор в коридоре, потом дверь захлопнулась и стало тихо. Она робко взяла бланк с реквизитами. ...ООО «Пирамида»... почему «Пирамида», если торгует мешками?.. В памяти возникла картинка из журнала, где на фоне голубого неба и желтого песка возвышались треугольные громадины, а на переднем плане стоял верблюд и вокруг группка смеющихся туристов. Странное сочетание, хотя каких только названий не приходилось встречать ей за время своих поисков.

Катя вышла из-за стола – за ним она почему-то чувствовала себя неудобно; заглянула на кухню. На подоконнике стоял электрочайник, который постоянно рекламировали по телевизору, банка кофе и две чашечки с торчащими из них ложками, создававшие иллюзию, будто в помещении есть еще кто-то, и этот «кто-то» лишь на минутку спрятался, затаился.

Катя вернулась в комнату. ...*Это и есть моя работа?*.. Села на «гостевой» стул; обвела взглядом пустые скучные стены. Низкое осеннее солнце било прямо в не зашторенное окно, и Катя прикрыла глаза – все сразу окуталось оранжевым туманом, зато глаза отдыхали. Она положила руки на стол, опустила голову, прижавшись щекой к тыльной стороне ладони. Состояние покоя, будто в конце долгого тяжелого пути, расслабляло. Мир с его проблемами внешне отступил – она, наконец-то, могла отдаться самой себе, своим внутренним переживаниям, и вдруг подумала, что никаких особенных переживаний у нее и нет; как нет и другой жизни, кроме изматывающих поисков работы. Стало ужасно тоскливо, словно все ушли вперед по зеленым бескрайним полям, оставив ее одну в пустой темноте. Откуда-то издали доносился смех и голоса, а глаза медленно скользили по ровным черным стенам, ограничивающим пространство, и нет никакого выхода...

... – Ты, наблюдающий за живущими, которых создал, узри меня и сделай так, чтоб я узрела тебя... – Хетти перевела дыхание, ожидая реакции на свои слова, но тьма перед глазами не рассеялась и даже не сделалась хоть чуточку прозрачной, – ты, отводящий грозу от беспомощных, и делящий года на «до» и «после», почему твои уста молчат? Или то, что производишь ты, тайна, наполняющая вечность? – Хетти снова сделала паузу и ей показалось, что камыш зашуршал как-то по-другому, вроде, кто-то шел, придавливая ногой стебли. Но, наверное, ей это только показалось – Осирис не может идти весома и грубо, как человек.

– Тыходишь и выходишь, и возвращаешься в поля свои, так возьми и меня с собой. Дозволь мне быть награжденной твоими полями и стать духом там. Позволь мне там есть; позволь мне там пить; позволь мне убирать урожай; позволь мне там любить... – этого выражения Хетти не понимала – кого она могла там любить, если ее мать и отец останутся здесь? Но эти слова являлись частью заклинания, которому учила ее мать, и выбросить их она не имела права, – позволь видеть моим глазам, ибо с их помощью я смогу помнить и смогу забывать. Пусть они находятся в моем теле в том же месте, где нахожусь я, и я заново пройду свой путь. Я смогу

вкушать пищу, плавать среди озер и гулять в твоих долинах; я смогу видеть бога Ра на небе, бога Гора на земле и тебя, Великий Осирис, рядом со своим духом Ка...

Хетти показалось, что она просит слишком многого, но по-другому ее жизнь в Стране Запада окажется сродни земной жизни, а ее повторения она никак не желала.

– ...О, бесконечно возрождающийся день за днем, дай мне жить невредимой и не знать зла, причиняемого мне. Когда я взойду на борт солнечного корабля, дай мне снова радость сердцебиения, свяжи мои сухожилия и мышцы, дай мне снова возможность дышать, а глаза мои пусть станут глазами богини Хатхор, чтоб я могла видеть тебя, о, Великий, способный исполнять желания...

В это время Хетти почувствовала, как чья-то ладонь опустилась ей на голову. От неожиданности она решила, что сейчас умрет, и все ее мечты мгновенно сбудутся; задрожала всем телом, не в силах больше вымолвить ни слова, а рука гладила ее волосы, и с каждым прикосновением Хетти все яснее чувствовала, что рука шершавая и теплая, как рука ее отца. Еще она почувствовала незнакомый запах. Она не знала, что именно могло так пахнуть, но это не было запахом бога. Хотя, откуда она могла знать, как пахнут боги?..

– Разве ты не Осирис? – спросила она тихо.

– Нет, – ответил мужской голос.

– А зачем же ты обманываешь меня?

– Я? – мужчина засмеялся. Смех этот казался грубоватым, но в нем не чувствовалось издевки, – я не обманываю тебя. Как я, человек, могу стать Великим Осирисом? Это доступно только Владыке Двух Земель. Он – сын бога и после смерти соединяется с духом своего отца.

– Нет, – Хетти покачала головой, – после того, как мы уйдем в Страну Запада, бог Хнум вновь соединит наше тело, и мы станем частью Осириса, бесконечно возрождающегося день за днем. Ибо нет членов, которые бы не были членами бога.

– Да? – мужчина убрал руку, – может, ты и права, но пока я достаточно молод и силен, поэтому не думаю о встрече с Великими богами. Я знаю, что, когда покину этот мир, мне соберут в дорогу все необходимое, и я отправлюсь в путь. Тогда боги и укажут мне мое место. Я привык так жить.

Повисла длинная пауза. Хетти больше не слышала незнакомца, но ощущала его присутствие по каким-то понятным лишь слепым признакам.

– Меня зовут Хетти, – сказала она, – а тебя?

– Я – Мерху. Скажи, Хетти, зачем ты собралась на встречу с Осирисом? Разве ты старая и больная, или здесь произойдет страшная битва, в которой будет много мертвых и раненых?

– Нет, – Хетти печально улыбнулась. Она подумала, что закон ее отца тверже законов битвы и законов болезни, – так должно быть, потому что в этом мире я не нужна никому, а Осирис даст мне новые глаза и новую жизнь...

По тому, как тихонько тренькнула струна, Хетти поняла, что Мерху взял ее сестру.

– Ты умеешь играть на этом? – спросил он.

– Да. Это все, чему я смогла научиться.

– Возьми. Сыграй что-нибудь.

Хетти привычно подняла инструмент и резкие, чуть дребезжащие звуки слились с пением камыша и еле слышным плеском реки.

– Зачем тебе уходить к Осирису? – спросил Мерху, когда она кончила играть, – лучше пойдем со мной. Это неправильно, просить себе новую жизнь, когда у тебя осталось так много этой.

Хетти подняла голову, хотя прекрасно понимала, что не сможет разглядеть его лица и понять, смеется он над ней или говорит серьезно.

– И ты будешь платить подать Владыке Двух Земель только за то, что я стану играть тебе на сестре?

– Я не плачу податей, Хетти. Я живу далеко отсюда на границе Красной и Черной Земли. Там живут солдаты, а они не платят податей.

– Это там, где стоит крепость Семна?

– Да. Откуда ты про нее знаешь?

– Мой отец бывал там. Он рассказывал, что там постоянно дуют горячие ветры, и поля не дают всходов.

– У меня всегда есть еда, потому что я самый главный человек в Семне. Мне подчиняются все солдаты, а ветры – да, но к ним можно привыкнуть. Пойдем со мной, Хетти.

– Зачем? Я не смогу печь тебе лепешки и стирать одежду.

– Мне не надо, чтоб ты делала это. Для этого есть рабыни, которых мы захватываем в Нубии. Я хочу разговаривать с тобой и слушать, как ты играешь, – он снова погладил девушку по голове, и это больше не вызвало в Хетти трепетного ужаса – наоборот, рука показалась сильной и доброй; и еще она подумала, что из Страны Запада никто никогда не возвращался, поэтому неизвестно, что ее там ждет. Ведь пела же мать песню, чтоб отогнать Ту, Чье Лицо Смотрит Назад, но, тем не менее, она сумела украсть ее глаза. Вдруг и Осирис по каким-либо причинам не захочет вернуть их ей? Тогда зачем она собирается идти в его страну, если не сможет ее увидеть? К тому же она всегда туда успеет, если на краю Красной Земли ей сделается совсем плохо. Неужто ей не соберут в дорогу еду и не отдадут сестру?..

Хетти осторожно подняла руки и неожиданно коснулась ног Мерху, сразу поняв, где тот стоит; наклонилась, прижав щеку к грубому полотну его накидки.

– Тогда я съем лепешку, потому что ужасно проголодалась, – и оттого, что она решила использовать запасы, собранные в дорогу, обоим без слов стало ясно, что выбор сделан.

– Ты хочешь? – Хетти нащупала лежавший рядом узелок.

– Нет.

Она отломил кусок остывшей лепешки и двумя руками запихала его в рот...

Телефонный звонок оказался настолько резким и неожиданным, что Катя даже не поняла, откуда она вернулась в реальность – из сладкой полудремы, сморившей ее переставшее напрягаться сознание, или из своих вечно тягостных мыслей, напоминавших глубокую темную яму. Она сама чувствовала, что возникла как-то вдруг, словно заново явившись в этот мир; схватила трубку, чуть не опрокинув сам аппарат.

– Это «ООО Пирамида»?

– Да, – Катя взглянула на листок с реквизитами, убеждаясь, что не ошиблась.

– Мы вчера послали вам факс. Скажите, когда вы можете поставить мешки, а то у нас остался недельный запас. Через неделю мы остановимся.

Катя настолько растерялась, что не могла произнести ни слова. Глаза ее округлились, и она судорожно сглотнула слюну.

– Девушка, вы меня слышите?

– Да-да, конечно... Знаете, – неожиданно нашлась она, – мы занимаемся вашим вопросом... но останавливаться не надо!..

– Это я и сам знаю, – мужчина засмеялся, – так, что? Можно быть уверенными, что в течение недели мешки мы получим?

Катя чуть не ляпнула «да», но вовремя вспомнила наставления Андрея.

– Вы оставьте свой телефон. Мы сегодня же вам перезвоним; Директор сейчас как раз занимается...

– Хорошо, – перебил мужчину, – записывайте.

Катя послушно взяла ручку.

– И еще как вас зовут? – она подчеркнула жирной чертой адрес в каком-то ни о чем не говорившем ей городе.

– Юрий Васильевич. Только, девушка, обязательно перезвоните, а то мы будем искать других поставщиков.

– Не надо никого искать – мы перезвоним. До свидания, – положив трубку, Катя испугалась... *А если я что-то перепутала и неправильно записала?.. Нет, я ж не совсем дура!.. Скорее бы возвращался этот...* – она забыла, как зовут ее однодневного начальника. Прошла по комнате; открыла дверь на кухню. Необходимо было чем-то занять себя, чтоб скоротать ожидание. Она налила в чайник воды и нажала кнопку. Агрегат загудел, и пока она нашла сахар и печенье, отключился. Катя посмотрела на часы. ...*Правильно, как раз время моего обеденного пирожка...*

Она уселась у окна, глядя на улицу, и вдыхая горьковатый аромат кофе. Как давно она не пила такой чудесный напиток! Дома все употребляли исключительно чай в серых пакетиках, пахнущий самой обычной травой, а где еще она бывала, чтоб ей могли предлагать кофе?.. Катя задумалась и даже не услышала, как в замке повернулся ключ.

Андрей возник в дверях неожиданно, но девушка почему-то не испугалась. Наверное, потому что он улыбался.

– Какие новости? – он расстегнул куртку, а Катя тут же вскочила, – сиди, пей. Звонил кто-нибудь?

– Да. Какой-то Юрий Васильевич. Им нужны мешки, иначе через неделю они останутся. Они уже прислали факс...

– О! Его-то звонка я и ждал! А ты что сказала?

– Я? – Катя с ужасом поняла, что от следующей фразы зависит не только его настроение, но и ее дальнейшая судьба, – я сказала... что директор занимается решением их вопроса и сегодня обязательно ему перезвонит... еще, чтоб он не беспокоился, – она замерла.

– Умница, – Андрей потер ладони, – телефон записала?

– На столе лежит.

– Сейчас мы и займемся их вопросами.

Катя слышала, как уйдя в комнату, Андрей отодвинул стул. Не спеша допила кофе и сидела, думая, стоит ли идти за ним или лучше не мешать, но потом решила, что раз дверь Андрей не закрыл, значит, скрывать ничего не собирался. Она вошла и села у окна, наблюдая, как шеф сосредоточенно набирает номер. К разговору она не прислушивалась, но по интонации поняла, что все складывается удачно, и Андрей доволен.

– Срослось, – положив трубку, он откинулся на спинку стула, – хороший сегодня день.

– Я рада...

Сначала Катя действительно обрадовалась, но вдруг подумала, что он говорит об этом дне уже в прошедшем времени, и настроение упало; обвела взглядом комнату, стараясь запомнить ее как некий оазис в бессердечной, отторгающей ее пустыне.

– На сегодня твой рабочий день закончен, – объявил Андрей, доставая бумажник; извлек оттуда сторублевую купюру, но подумал и добавил еще одну, – возьми.

– Столько?.. – Катя неуверенно взяла деньги, – а за что?

– За то, что ты помогла нам заработать кучу бабла!

...*Господи, неужели все так просто?.. Какой-то один телефонный звонок...* – она не успела продолжить мысль, потому что Андрей посмотрел на часы.

– Уже четыре. Ты так и просидела весь день без обеда?

– Я пила кофе.

– Кофе... – он усмехнулся, – может, сходим, пообедаем?

– Куда пообедаем? – не поняла Катя.

– Какая разница, куда? – Андрей встал, – пойдём.

Катя тоже поднялась. В ее растерянном сознании не возникло, ни радости, ни протеста. Она смотрела на две желтоватые бумажки, которые держала в руках, и думала, что чудеса

еще не закончились, и если не противиться судьбе, то та, возможно, еще понежит ее в своих ласковых объятиях.

– Чего задумалась? – Андрей уже стоял в коридоре, застегивая куртку, – или у тебя другие планы?

– Нет-нет!.. Никаких планов у меня нет.

– Тогда идем, – он снял с вешалки ее куртку.

Катя медленно подошла, завела назад руки, позволив одеть себя, и подумала, что неплохо бы взглянуть в зеркало, потому что вид у нее, скорее всего, не для публичных обедов, но потом решила, что все равно ничего не изменит – ни другой одежды, ни другой косметики у нее не было и даже изменить прическу она не успеет. *...Ну и то? Раз он приглашает ее, значит, не так уж жутко я выгляжу...* Эта неожиданная мысль подсказывала, что все происходящее гораздо приятней придуманного бала, где она столь долго и безуспешно пыталась отыскать себя... не говоря уже о распростертом на асфальте теле.

Андрей, чувствуя напряженность девушки, видимо, тоже не знал, как себя вести – собственноручно, в его планы не входило переводить обед в стадию ухаживания или хотя бы проявления мужской заинтересованности. Тем не менее, необъяснимое внутреннее чувство подсказывало, что он должен не просто морально поощрить ее за сегодняшний день, но и, вообще, между ними существует нечто общее. Ведь почему-то тогда, во дворе, ее фигура показалась ему знакомой. Он уже настраивал себя на то, что завтра будет до последнего биться за нее с Володей. *...Хрен с ним, с этим Интернетом – в конце концов, сам научусь и буду помогать ей...*

Они молча вышли во двор.

– Здесь недалеко есть одно очень приличное место.

– Мне все равно, – Катя почувствовала, что слова прозвучали не те, и смысл фразы получился совсем неправильный. *...Кажется, я совсем разучилась общаться. Лучшие, вообще, молчать...* Конечно, она ведь хотела сказать, что даже если б он предложил ползти на животе в другой конец города, она б и то согласилась, а получилось... Катя вздохнула.

«Приличное место» представляло собой большой стеклянный павильон с наглухо зашторенными окнами. За последнее время такие заведения понастроили практически на каждом свободном куске газона, где раньше помещались всего несколько лавочек для уставших пенсионеров и влюбленных пар.

Зал оказался практически пуст, и имея полную свободу выбора, они прошли в самый дальний, темный уголок и уселись за маленький столик для двоих. Ненавязчивая мелодия дополняла ощущение уюта и чего-то богатого и основательного.

Тонконогая девушка в коротеньком красном платьице подала меню. Андрей сразу сосредоточенно углубился в чтение, наконец-то найдя себе полезное занятие. Катя перелистала страницы, глядя в основном не на названия блюд, в колонку «цена», и закрыла папку. Она догадывалась, что со студенческих времен, когда, сдав сессию, вся их компания бежала в «кафешку», много изменилось, но даже не могла предположить, что бутылка напитка «виски» может стоить месячную зарплату ее отца.

– Что-нибудь выбрала? – Андрей поднял голову.

– Нет, но я, правда, хочу есть, и буду тебе очень благодарна, если ты меня накормишь. *...Какая бредовая фраза... и какая унижительная...* Хотя к чувству она давно успела привыкнуть, однако сейчас почему-то ощутила его особенно остро.

– Понятно, – Андрей повернулся, ища глазами официантку.

Через несколько минут на столе появились большие красивые тарелки с ароматными блюдами, глядя на которые Катя никак не могла определить, мясо это или рыба.

– Ну, за твой первый рабочий день, – Андрей налил в рюмку водки, а в бокал вина.

– За первый и последний, – поправила Катя.

– Я сделаю все, чтоб он стал не последним, – торжественно произнес Андрей, поднимая рюмку. Почему-то он чувствовал, что не может бросить эту девушку на произвол судьбы; просто не может, ничем не мотивируя своего желания. ...*Если так выглядит любовь*, – вдруг подумал он, – *то на земле не существует чувства более бессмысленного, бесполезного и мешающего нормальной жизни...*

Состояние сытости и легкого опьянения настолько расслабляло, что Катю стало клонить в сон. К тому же музыка звучала тихая и убаюкивающая, а свет разливался по залу мягкий и приглушенный... *Только этого не хватало*, – она встрепенулась, – *надо разговаривать, надо что-то делать!*.. Но что она могла рассказать? А глаза закрывались сами собой... и музыка... свет, так похожий на пламя свечей...

– Знаете, – она вспомнила свой ночной бал, – иногда мне кажется, что у нас когда-то была другая жизнь.

– В смысле? – не понял Андрей.

– Ну, вроде, мы не первый раз живем на земле, и какие-то картинки воспоминаний сохраняются у нас в памяти. Например, я очень часто представляю себя танцующей на балу, в каком-то замке или дворце... странно, – она отвела взгляд, – вы хотели бы, чтоб мы могли жить не одну жизнь?

– Жить не одну жизнь?.. – вопрос оказался настолько неожиданным, что Андрей не сразу осознал, о чём идет речь.

– Да. Вдруг мы умираем, но не навсегда, а возрождаемся потом в другом месте и в другом времени; и жизнь должна получиться совсем другая. Согласитесь, ведь так и в настоящем жить гораздо легче.

– Так легче умирать, – Андрей вспомнил снайпершу молдаванку. Она говорила о том же, только не спрашивала, а будто знала наверняка. Возникла крамольная мысль: ...*А если Катя и есть ее новое воплощение? Нет, этого не может быть хотя б потому, что прошло слишком мало времени – они же обе существовали одновременно. Бред какой-то... а сколько же должно пройти времени? Век?.. Два века?..* Он внимательно смотрел на Катю, пытаясь понять, что в ней так притягивало его, но она расценила его взгляд по-своему.

– Я говорю глупости, да? – спросила она.

– Не знаю, но я уже слышал нечто подобное, причем, в ситуации, когда человеку не имело смысла врать.

– Правда? – Катя обрадовалась, – а интересно, какая жизнь ждет нас после этой, лучшая или худшая?

– Разве можно это знать?.. – Андрей вдруг вспомнил улыбку на лице снайперши, – хотя, возможно, кто-то и знает...

– А прошлые жизни? Вы никогда не видите их? – воодушевилась Катя, обрадованная самим фактом разговора. Какая разница, что суть его оставалась расплывчатой, если не сказать, бессмысленной, зато тек он спокойно и ровно, уничтожив неловкое пустое молчание.

– Нет, – Андрей покачал головой, – я вообще не вижу снов. Я ж привык засыпать по команде «отбой» и просыпаться по команде «подъем», – он улыбнулся, – я – вечный солдат и вынужден жить исключительно реальной жизнью.

– А мне так опротивела нынешняя жизнь, что хочется чего-нибудь другого, – Катя вздохнула, – хотя, наверное, вы правы. Все это я придумала; нахваталась из книжек, а жизнь дается только одна – настоящая...

– Кофе или мороженое? – спросил Андрей, видя, что тарелки опустели.

– Кофе и побольше сахара, – Катя улыбнулась, но уже не так виновато, как вначале. Они ведь беседовали не о работе, деньгах, а, значит, не такое уж она пустое место!

Вместе с кофе принесли счет. Катя поняла, что пора уходить, и это отрезвило ее. Жизни прошлые и будущие растаяли сами собой, оставив незыблемым единственным вопрос, который

ей хотелось бы решить сейчас, пока они не покинули этот объединяющий их мирок – что будет завтра? Но Андрей уже сунул в меню несколько купюр и вопросительно смотрел на Катю, ожидая, пока она встанет первой.

На улице стемнело. Воздух перестал быть прозрачным, а листья из веселых желтых лоскутков превратились в грязные тряпки, плавающие в холодных лужах. Сразу сделалось зябко. Или, может, так казалось после теплого уютного зала. Катя почувствовала себя ужасно одиноко, а Андрей шел рядом, засунув руки в карманы и глядя себе под ноги. Лишь однажды он слегка поддержал ее за локоть, направляя на сухую дорожку, когда сослепу она чуть не шагнула в глубокую заполненную водой выбоину. Все произошло так мимолетно, что Катя даже не успела понять, приятна ли ей эта мужская рука или лучше, как раньше, брести одной, сосредоточенно выбирая путь.

Они свернули во двор, и почти сразу из полумрака возникла невысокая худощавая фигура.

– Братан, закурить не найдется?

– Не курю, – ответил Андрей, не останавливаясь.

– Чего, жалко, да?

– Я ж сказал, не курю. Бросил год назад, – повторил он, замедляя шаг, – я что, неясно выражаюсь?

– Ах, ты еще выражаешься?! Пацаны, я тут не понял!.. – возопила фигура, и Катя увидела три темные фигуры. Они приближались настолько быстро и уверенно, что она даже не успела сойти с их дороги. Резкий толчок в грудь заставил ее отшатнуться; ноги заскользили по мокрым листьям. Катя почувствовала, что падает навзничь, не успев, ни сгруппироваться, ни хотя бы подставить руку. Голова откинулась назад, ударившись о бордюрный камень; перед глазами потемнело, а в ушах возник странный гул, похожий на шелест – такой знакомый, уже слышанный когда-то. Звук обволакивал, оставаясь единственным внешним ощущением среди окружавшей ее непроглядной ночи. Потом возник запах – запах воды и прелых листьев (рука чувствовала их противную скользкую поверхность, состоящую из толстых мягких стеблей).

... – Мерху! Мерху, что это?! – позвала Хетти...

Катя понимала, что несмотря на боль в затылке и полную потерю зрения, она жива и лежит в грязной луже, скребя рукой холодные скользкие листья, но самое страшное, что она не могла, ни вздохнуть, ни закричать, словно заслонка перекрыла легкие. Она чувствовала, как учащается сердцебиение, как пульс колотится в висках, от отсутствия кислорода становясь все медленнее и тяжелее...

... – Хетти, это нубийцы! Они напали на мой корабль, но мы будем сражаться!

Хетти почувствовала, как лодка закачалась под тяжелыми шагами. Гортанный торжествующий вопль нарушил относительную тишину, и что-то резко ударило рядом с ее головой. Протянув руку, она нащупала тонкую прямую палку, вонзившуюся в борт и догадывалась, что этот предмет называется «стрела» – именно, стрелы посылал разгневанный бог Гор в своего брата Сета...

Рядом рухнуло что-то большое и грузное. Хетти не требовалось ощупывать предмет, она и так знала, что это человеческое тело. Только чье?..

– О, Осирис, – прошептала она, – владыка вечности и постоянства, чьи обличья разнообразны, а свойства величественны, обрати на меня свой взгляд и даруй мне путь, который я смогу пройти в другом мире. Приди и дай мне власть над моим дыханием, о, владыка ветров. Укрепи меня и дай мне силу, о, создатель богов. Дай мне войти в страну вечности, как это было пожаловано тебе. Да, не будет мое тело обращено в червей. Освободи меня от них так же, как ты освободил себя. Да, восстанет жизнь из смерти. Дозволь мне жить и даруй путь, который приведет меня в другой мир. О, даруй мне путь...

Шум битвы мгновенно стих в Катином сознании. Дыхание сделалось ровнее; тьма стала рассеиваться, являя серые неясные очертания, и от этой неизвестности становилось жутко. Неужели, правда, у нее будет новая жизнь, не похожая на эту? Неужели она больше не будет влачить жалкое, никчемное существование, оказавшись в другой, неизведанной стране? Она улыбнулась совершенно счастливо...

Два сержанта подняли с земли одного из хулиганов. Он скулил, мотая головой и припадая на правую ногу. Андрей подумал, что, скорее всего, перебил ему голень – просто пьяный придурак пока не чувствует боли. Остальная шпана уже сидела за решеткой милицейского узника, и только их понуро опущенные затылки виднелись сквозь стекло.

– А ты молодец, – молодой лейтенант, стоявший рядом с Андреем, уважительно покачал головой, – один троих уложил.

– Школа хорошая, – Андрей мрачно усмехнулся, – не на таком дерьме приходилось тренироваться.

– Чечня?

– Нет, но тоже было весело, – Андрей потрогал расплосованный рукав куртки.

– Ерунда, – лейтенант попытался, видимо, угадать ход его мыслей, – главное, самого не порезали.

– Да вот, отвлекся на секунду – она... – Андрей повернулся к Кате, которую врачи укладывали на носилки, – закричала... а слово какое-то знакомое, но странное... о, сир или Осирис...

– Я не знаю такого слова, – лейтенант вздохнул.

Они подошли к машине. Носилки уже загрузили в ее чрево, а врач стоял, сдвинув на затылок белую шапочку, и курил.

– Как она? – спросил Андрей.

– Она умерла, – ответил он просто, словно речь шла не о человеческой жизни, а о пачке сигарет.

– Как умерла?.. – у Андрея даже приоткрылся рот.

– Сердце не запустилось. Мы ничего не смогли сделать.

Смерть для Андрея являлась событием привычным – ему приходилось терять и более близких людей, но сейчас он почувствовал, как к горлу подкатывается ком. Вроде, связывало их нечто большее, чем сегодняшний, короткий рабочий день; нечто старинное, не поддающееся временному измерению.

– Можно я посмотрю на нее? – спросил он тихо, и не дожидаясь разрешения, открыл боковую дверцу с большим красным крестом. Голова девушки оказалась прямо перед ним, и он осторожно приподнял простыню, закрывавшую лицо. Катя улыбалась сладко и безмятежно. При жизни ему не удалось увидеть на ее лице такой улыбки. ...*Почему так?*.. – он вспомнил окраину Дубоссар и совсем другое женское лицо, такое же счастливое и одухотворенное. В растерянности снова опустил простыню и вылез из машины.

– Это ваша жена? – участливо спросил лейтенант.

– Нет, – Андрей автоматически похлопал по карманам в поисках сигарет, – но мне кажется, что мы с ней встречались где-то в прошлых жизнях.

Врач удивленно поднял глаза на его серьезное лицо, но ничего не сказал – учение о бессмертии души не входило в программу медицинской академии.

К О Н Е Ц

Максимально приближенное к боевому

Они шли с самого утра, ступая почти след в след, словно прижимаясь друг к другу, стараясь создать нечто единое в огромном и чужом море зелени. Лес угнетал, подавляя своим однообразием, отупляя, делая безразличным ко всему. Даже взгляд остановить не на чем. Березки посветлее, дубы потемнее, а трава совсем темная в тени деревьев. И все это стоит неподвижной бесконечной стеной. Вдоль нее можно идти вечно и не встретить ничего, радующего глаз.

Андрей поглубже надвинул фуражку. Опустил взгляд на свои пыльные сапоги и грязно-серый песок. За спиной он слышал частое сбивчивое дыхание, но не оборачивался.

Одним из самых значительных изменений в восприятии мира с тех пор, как Андрей после беззаботной студенческой жизни оказался в этом забытом богом и людьми месте, стало отношение к зеленому цвету. Шелестящие листья в отсветах фонарей над парковыми скамейками; шелковистая трава, на которую совсем не страшно падать принимая мяч; соблазнительные платья, сверкающие автомобили и пивные бутылки, вечно занимавшие подоконник... Все это какая-то другая, ласковая зелень, которая бесследно растворилась в окружавшем его теперь глухом зеленом лабиринте. Этот цвет казался всеобъемлющим, затмевающим даже голубизну неба.

Может быть, попавший сюда случайно, различил бы шорохи и птичьи крики; даже нашел бы красивым какой-нибудь кривой, изуродованный природой сук, но Андрей жил здесь уже целых два месяца, и лес стал для него немым и безликим. Он уже не раздражал, а являлся той неотъемлемой частью гнусного бытия, от которой невозможно избавиться и бороться с которой бесполезно. Зеленая слепота...

Неохотно наполнили сумерки. Это был пока не вечер, а просто скрылось солнце, сделав окружающий мир менее приветливым. С другой стороны, это говорило о том, что еще один день тупого бессмысленного существования прошел, и ощущение этого радовало...

– Подожди, я портянку перемотаю, – услышал Андрей сзади.

Остановился; оперся спиной о толстую сосну с теплой шелушащейся корой и закурил. Напарник его сел и начал, пытая, стягивать сапог. В конце концов, он освободил ногу и вопросительно посмотрел на Андрея.

– По-моему, мы отмахали километров сорок, – сказал он.

– Ну, сорок – не сорок, но явно больше двенадцати.

– И где же этот чертов тригопункт?

– Ты у меня спрашиваешь? – голос Андрея звучал так равнодушно, будто этот вопрос его совершенно не интересовал.

– Я, вообще, спрашиваю, – второй, которого звали Виктором, вздохнул и принялся наматывать портянку заново, аккуратно и вдумчиво, будто делал это первый раз в жизни.

– Спрашивать «вообще», бессмысленно, – заметил Андрей философски.

– А что теперь делать?

– Идти.

– Куда?

– Вперед.

– Ты что, не понимаешь?.. – Виктор наконец засунул ногу в сапог, топнул ею, проверяя удобно ли получилось, и встал, – мы же идем не по той дороге.

– Понимаю. Но и она должна куда-нибудь привести, – слова выползали лениво – казалось, разговаривая, Андрей делает собеседнику великое одолжение. Такая интонация могла вывести из себя кого угодно.

– Как это, куда-нибудь?! – истерично крикнул Виктор, – ты что, дурак?!.. Мы даже не знаем, сколько идти до... – тут он запнулся, – ... туда, куда она ведет. Еды у нас нет, воды – полфляжки. Ты псих, да?! Робинзон Крузо!..

На этом запал иссяк, потому что Андрей никак не реагировал на его эскапады, задумчиво разглядывая огромный ярко красный мухомор, выделявшийся среди всеобщего однообразия, как окурочек валяющийся посреди комнаты. В голосе Виктора слышались примирительные нотки:

– Слышь, Андрюх, не может быть, чтоб тут не было людей, ведь ездит же кто-то по этим дорогам. Нам лучше вернуться к мотоциклу и ждать. Может, даже удастся починить его.

– Вернуться? А ты найдешь обратную дорогу? – Андрей усмехнулся, – Дерсу Узала... если я Робинзон Крузо.

Виктор закрыл глаза и поднял лицо к небу – видимо, аргументы у него закончились.

– Но мы же не в джунглях, правда?.. – спросил он так, что ответить отрицательно явилось бы величайшей жестокостью, – Волино должно быть километрах в тридцати...

– Да, – согласился Андрей, – километрах в тридцати от тригопункта, которого нет.

Виктор открыл глаза, полные самого неподдельного ужаса. Красноречивее всяких слов они говорили, что лишь сейчас он наконец полностью осознал суть сложившейся ситуации. Это не занятия по топографии и не простая поломка старенького мотоцикла – они заблудились. По-настоящему! Забрели в гиблое место, усеянное квакающими и чавкающими болотами, утыканное белыми грибами размером с суповую тарелку, перепаханное старыми и новыми воронками, неправильно расчерченное заросшими травой дорогами, по которым давно никто не ездил... И название этому месту – полигон.

– Пошли, – сказал Андрей, пытаясь вывести товарища из состояния ступора, – надо двигаться на восток.

– Почему на восток?..

– Потому что на запад двигаться хуже.

Несмотря на нелогичность и неопределенность этого довода, ответ удовлетворил Виктора. Он больше ни о чём не спрашивал, а только покорно кивнул. Скорее всего, исчерпав запас собственной воли и не имея в душе Бога, он готов был довериться кому угодно, пообещавшему спасение, причем, за любую цену. Покрутил головой, пытаясь определить, где же находится тот спасительный восток.

Андрей решил, что с задачей справился. Больше всего он опасался истерики с катанием по земле и призыванием на помощь мамы – тогда они потеряли бы еще несколько часов драгоценного времени. Теперь все встало на свои места, и продолжать дальнейший разговор не имело смысла. Ведь двигаться на восток – являлось его собственной догадкой, в аргументацию которой он боялся поверить до конца, потому что тогда... Андрей молча повернулся, глубоко вздохнул, как спортсмен перед стартом, и зашагал вперед, безжалостно топча высокую траву.

Виктор шел сзади. Перед его глазами, ориентиром, маячила спина, по которой из-под ремня разбегались темные лучики пота, образуя большое влажное пятно. Зрелище утомляло не меньше, чем близость леса, зато пока эта спина не исчезла из вида, можно самому ни о чём не думать и не принимать никаких решений. Раз человек так уверенно идет на восток, значит, он имеет для этого вескую причину, и все, точка! Надо просто следовать за ним, а в голове пусть роятся какие-нибудь мысли, не связанные с его «военным» настоящим. Он так хотел вспомнить что-то хорошее, но ничего не получалось...

Уезжая из лагеря на мотоцикле, который одолжил им, по такому случаю, командир роты, Виктор мечтал увидеть пуск настоящей боевой ракеты. Это такая редкость даже для настоящих солдат, а уж им, так называемым «курсантам», подобное и не снилось. Разве можно упус-

кать такой случай? Ведь через месяц, получив звание «лейтенант запаса», все они устроятся на производство или разбредутся по каким-нибудь офисам, а вспомнить-то будет и не о чем...

И в принципе все складывалось нормально, пока не заглох этот старый драндулет. Полчаса они бились, пытаясь оживить его, но, похоже, тот сдох навсегда. Пришлось замаскировать бесполезную грудку железа возле трех приметных дубов на обочине и идти пешком. Тогда казалось, что до тригопункта «111», принятого в качестве места встречи с офицером дивизиона, вызвавшимся сопроводить их на позиции, гораздо ближе, чем до лагеря. Видимо, они все-таки ошиблись, когда искали нужный поворот (это и не мудрено для людей, выросших в городе и привыкших читать названия улиц на стенах домов).

Через три часа бесполезных поисков, полностью потеряв ориентацию, Виктор уже не думал о ракете. Он мечтал добраться обратно до лагеря, чтоб закончилась неизвестность, и утром можно было спокойно лежать на койке и ждать, когда ровно в шесть ноль-ноль голос дневального поднимет тебя на зарядку и далее жизнь снова покатится по расписанию.

Потом прошло и это. Хотелось просто увидеть живого человека, который бы знал, куда и зачем идет. Но если они, действительно, углубились в полигон, то даже этот шанс становился призрачным. Виктор монотонно переставлял отяжелевшие ноги и в очередной раз пытался переключить сознание на приятные, но далекие воспоминания.

*

– Колька! Ты где, оболтус?! Мне на работу пора! – молодая женщина в немодных туфлях и мешковатом цветастом платье, сшитом совсем не по ее фигуре, заглянула по очереди во все комнаты и выйдя на крыльцо, оглядела просторный двор.

Серый самодовольный кот сидел в тени сарая и лениво вылизывал лапу; в нескольких шагах от него, вытянувшись на земле, дремала большая дворняга (ее лапы чуть подрагивали, будто во сне она гналась за кем-то); у забора мирно бродили куры, не обращая внимания ни на того, ни на другого хищника.

– Колька! – снова крикнула женщина, – я ж из-за тебя опоздаю! Вот отец вечером придет, он тебе врежет!..

Из узкого закутка между стеной сарая и забором появился мальчуган лет двенадцати – загорелый и босой, в одних штанах, подвернутых до колен.

– Ну, чо орешь? – спросил он совсем не по-детски, – знаю я, что с Аленкой надо сидеть. Я ж здесь – я ж никуда не уйду.

– Здесь он... – мать сразу успокоилась, – нечего слоняться! Иди в дом и читай книжку. На лето их сколько задали, помнишь? А ты хоть одну прочел до конца?

– Ну, не прочел, так что с того? – Колька с вызовом взглянул на мать, – а кто отцу на тракторе помогал? Кто картошку окучивал? Кто скотину целый месяц пас?

– Вот когда пас, мог бы брать с собой книжки и читать, – назидательно сказала мать.

– Еще чего!..

– Ох, договоришься ты у меня... – но в ее голосе больше не слышалось угрозы, – Аленка проснется, дашь ей молоко и картохи помнешь, понял? Сам поешь заодно. И чтоб из дома ни ногой! Если узнаю, что опять с Сашкой в лес бегал, отцу скажу, так он тебе...

– Знаю-знаю, – перебил Колька, – врежет он мне, – по его тону и интонации чувствовалось, что это являлось стандартной, но никогда не выполнявшейся угрозой.

– Я серьезно говорю, – мать спустилась с крыльца и подошла к сыну, – ступай в дом и никуда не смей отлучаться. Предчувствие у меня дурное. То ли про тебя, то ли про Аленку... Сердце чего-то не на месте.

Колька удивленно поднял глаза.

– Ты чо, ма? Ты ж знаешь, все нормально будет... Хоть во дворе-то можно играть, когда книжку читаю?

– Во дворе можно, только играй здесь. За сарай не ходи, а то там ничего не видно и не слышно, – она погладила сына по голове, – помощник ты мой, – и пошла к калитке.

Колька не стал дожидаться, пока яркое пятно платья исчезнет за поворотом, и вернувшись в дом, осторожно заглянул в комнату. Аленка спала, раскинув по кровати пухлые ручки; длинные светлые волосики паутиной накрыли подушку; она улыбалась во сне и смешно шевелила губами.

...Вот подрастет, никому ее не отдам, — подумал он ревниво, *– красивее девчонки не будет в селе... Ох, и погоняю я ее женихов! Нечего ей коров доить – пусть в город едет. Замуж выйдет за богатого, а там, глядишь, и меня заберет. Буду у ее мужика телохранителем. Я ж ничего не боюсь и драться умею. Только не скоро это будет...* – он поднял глаза к потолку, производя несложные вычисления, *– когда ей будет восемнадцать, мне уже стукнет двадцать шесть. А что? Нормально. Только все равно ждать еще долго...* Вздохнул, тихонько прикрыл дверь и уйдя в другую комнату, взял со стола книгу; пролистал ее, ища загнутый уголок страницы, но в это время в окно неуверенно постучали. Его дружок, Сашка, красноречиво показывал пальцем на дверь, и Колька радостно вскочил. Конечно, жизнь у старателей Аляски интересная и пишет про нее этот... (он взглянул на обложку) ...Джек Лондон классно, но все равно это ж его фантазии, а здесь все настоящее, все можно потрогать руками!..

Колька выглянул на улицу – Сашка уже стоял на крыльце.

– Привет. Я видел, как мать твоя на работу шла. В лес пойдешь? – спросил он сходу.

– Не, – Колька вздохнул, – мать Аленку дома оставила. У нее вчера температура была. Сегодня с утра упала, но она все равно ее в садик не повели.

– Жалко...

...И что он находит в этой сопливой мелкоте? – подумал Сашка с детским недоумением, хотя понимал, что уговаривать друга бесполезно – младшую сестренку он ни на что не променяет. Даже на «клад», который они нашли вчера возле старого блиндажа.

– А ты куда дел *все это?* – спросил он, смирившись с тем, что сегодня раскопки отменяются.

– В «штабе» оставил.

– Пошли, еще поглазеем.

– Пошли, – Колька прислушался, не проснулась ли Аленка, и только после этого осторожно спустился с крыльца.

– А мне сон сегодня снился, – сказал Сашка, – будто голос с небес со мной разговаривал.

– Ты чо?.. – Колька прыснул со смеха.

– Нет, правда. С бабкой Мотей же он все время разговаривает и предсказывает ей про всякие события. Я у нее сегодня спросил, какой он, тот голос? Она говорит – благостный. А у меня какой-то злой был и сказал, что все в нашем доме перевернется, а у тебя тоже какая-то беда будет.

– А я-то здесь причем? – испугался Колька.

– Не знаю. Но, думаю, все это враки. Я ж не баба Мотя. Мне знаешь, как часто мотоцикл снится?.. Блестящий весь – прям, зверь! Но никто мне его до сих пор не подарил.

Оба засмеялись, тем не менее, Колька боязливо оглянулся. Хотя нет, ерунда все это – на фоне ясного голубого неба поднимающийся из зелени домик казался сказочным, если, конечно, отбросить залатанную свежими кусками шифера крышу, облупившуюся краску на когда-то белых окнах, и стены с похожими на крохотные молнии трещинками.

Пацаны свернули за сарай, где в дальнем углу возвышалась странная конструкция из жердей, накрытая сверху серыми пожухлыми ветками – это был «штаб». Здесь хранились деревянные мечи и ружья (использовались те или иные, в зависимости от настроения и последнего

фильма, показанного по телевизору); еще там имелся старый компас, часы-ходики, стрелки на которых приходилось переводить вручную, и много всякой ерунды, которая не шла ни в какое сравнение со вчерашними находками. Пригнувшись, оба проскользнули внутрь и уселись на травяных матах, сплетенных под руководством Сашкиной матери.

– Где? – спросил Сашка с нетерпением.

– Вот, – Колька приподнял тряпку. На земле, скалясь беззубым ртом лежал желто-коричневый человеческий череп, изъеденный ржавчиной пистолет и помятый бинокль без линз.

– Класс!.. – Сашка схватил пистолет и направил его во двор, – бах! Бах!.. Интересно, а починить его можно?

– Вряд ли, – Колька со знанием дела взял оружие. На маленькой ладони пистолет казался огромным, – смотри, он весь... – ковырнул ногтем, и от ствола откололся кусочек.

– Хорош! Ты чо?!.. – Сашка выхватил драгоценную находку, – это мой! Это я нашел! Найди себе и делай с ним, что хочешь!

Кольке стало обидно, ведь это он, а не Сашка, случайно обнаружил тот блиндаж, и раскапывать холмик около него придумал тоже он.

– Слушай, интересно, чья это черепушка – нашего или немца? – спросил Сашка, отвлекая внимание друга от пистолета.

– Не знаю. Надо еще покопать. Он же, наверное, был одетый – если на пуговицах звезды, значит, наш; если свастика, то немец.

– Голова... – Сашка с уважением посмотрел на Кольку, – тогда лопату надо взять, а то палками много не накопашь... Слушай, может, ничего с Аленкой не случится? Пойдем, а?

– Не, сейчас не пойду, – Колька вздохнул, – мать говорила, какое-то у нее предчувствие было плохое, а она у меня бешеная – уж если чего в голову влезет... она ж может и с работы сорваться, проверить «предчувствие». А меня нет. Я так не могу.

– А завтра Аленка выздоровеет, как думаешь? – в Сашкином голосе прозвучала такая надежда, что Колька даже улыбнулся.

...Никуда он без меня не пойдет, малявка. Это он тут горазд хвастаться, кто что нашел, а сам-то жидок на расправу, – эта мысль настолько возвысила Колькино самомнение, что он ответил с достоинством:

– Не знаю. Как выздоровеет, так скажу. Сразу и пойдем.

– Я пистоль возьму пацанам показать, ладно? – попросил Сашка, осознав, кто здесь главный.

– Бери, – милостиво разрешил Колька, решив, что одному играть в него не интересно, а сегодня у него вряд ли появится время выйти со двора, ведь вечером вернется отец и надо будет помогать ему заниматься с трактором.

– А вдруг мы найдем что-нибудь не ржавое, а настоящее?.. – перебил его мысли Сашка заговорщическим шепотом.

– Может, и найдем – там же не только с войны все осталось. Мать почему не разрешает в лес ходить? Там же и сейчас учения всякие проводят – там полигон.

– Я знаю. Но, думаешь, настоящие солдаты тоже могут потерять какое-нибудь оружие?

– Потерять все могут.

– Класс!.. – мечтательный Сашкин взгляд переместился в угол и остановился на черепе, – а эту штуку ты зачем притащил?

– Я по телику видел, – разъяснил Колька, – «новые русские», особенно, бандиты, любят в своих домах черепа старые ставить. Почистят, лаком покроют, и они у них, вроде украшений.

– Чо, правда?!

– Говорю ж, сам видел. Даже специальные люди есть. Они на кладбищах могилы раскапывают и черепа воруют, а потом продают. За это их в тюрьму сажают, но здесь-то не клад-

бище. Здесь он просто в лесу валяется. Вот и пусть до поры до времени лежит. А когда мы с Аленкой в город переберемся, я его кому-нибудь продам за дорого.

– Классно ты придумал, – Сашка вздохнул, видимо, сожалея, что такая замечательная идея пришла не ему, – это даже лучше, чем настоящий пистолет.

– Конечно. С пистолетом тебя сразу в милицию загребут, а это в лесу нашел, и никто ничего не сделает. Он же ничейный, а деньги будут, наверное, хорошие...

Поскольку поход в лес откладывался, Сашке стало скучно просто сидеть в шалаше. Пистолет будоражил воображение, поэтому так не терпелось показать его остальным.

– Ну что, я пошел? А то тебе за сестрой надо смотреть, наверное, – сделав этот хитрый ход, Сашка поднялся.

Расстались они посреди двора. Сашка побежал на улицу, а Колька повернулся к дому, наблюдая, как солнечные зайчики играли на стеклах. Часов у него не было, но, по любому, отсутствовал он совсем недолго; довольный запрыгнул на крыльцо, распахнул дверь... и почувствовал характерный запах дыма. Заглянул на кухню, думая, что мать забыла что-то на плите, но там дыма оказалось гораздо меньше, чем в коридоре. Он бросился в Аленкину комнату. Оказалось, что в окнах отражались вовсе не солнечные зайчики...

Языки пламени поднимались по сухим деревянным стенам, а от постели, где лежала девочка, полз удушливый голубоватый дым. Пол под кроватью уже выгорел, но Аленка продолжала спокойно лежать, не чувствуя опасности – правда, теперь она свернулась калачиком, закрыв лицо ручками, и что самое страшное, не шевелилась.

Колька рванулся вперед, но жаркая волна выбросила его обратно. Схватив с вешалки отцовскую майку, он нахмурил ее на голову и вновь шагнул через пламя, поднимавшееся над порогом. Если б он намочил ее, дышать стало бы легче, но для этого надо бежать к колодцу, а как же Аленка?..

Задержав дыхание, он в несколько прыжков добрался до кровати. Буквально под его руками неожиданно вспыхнула простынь, но он успел схватить жаркое, вялое тельце; выскочил из комнаты, пронесся по коридору и оказавшись на крыльце, сначала несколько раз вдохнул такой же горячий, но бездымный воздух, а потом закричал, что было сил:

– Пожар!!..

Громким лаем ему вторил лохматый Рекс, давно тоже убравшийся в тень сарая и теперь бдитительно вскинувший морду. Откликнулся петух, живший на другой стороне улицы, да стайка воробьев сорвалась с яблони и истерично чирикавая, понесла новость по деревне.

– Пожар!!.. – снова крикнул Колька, слыша, как за его спиной что-то грохнулось. В испуге оглянулся; пулей слетел с крыльца и лишь тогда сообразил, какая бесценная ноша находится у него на руках. Только почему Аленка не плачет и не цепляется за него, как обычно?.. В растерянности он опустил взгляд и увидел безжизненно свесившиеся ручки, остатки замечательных шелковистых волос, которые каким-то чудом не успели сгореть, и сморщенное личико с закрытыми глазами. Нет, этого не могло быть!!..

Он оторвался от ужасного зрелища и бессмысленно заорал. Наверное, этот вопль оказался страшнее, чем крики о пожаре, потому что мгновенно появились люди. Но все они были мужчинами и выполняли свою мужскую работу – загромыхали ведра, послышался звон выбиваемых стекол... А Колька стоял посреди двора, судорожно пытаясь придумать, как заставить Аленку вновь двигаться и весело смеяться.

Наконец прибежала соседка (Колька с трудом узнал ее сквозь пелену слез, застилавшую глаза). Он безропотно отдал ей свою самую большую драгоценность и обессилено опустился на землю; лег, мешая разматывать шланги подъехавшей пожарной машины, и в отчаянии начал скрести ногтями траву.

Потом прибежала мать. Она уже знала и то, что произошло, и то, что спасти Аленку не удалось. Девочка задохнулась почти мгновенно, потому что очагов возгорания, по мнению

пожарных, было несколько, и все в районе кровати. Это очень походило на поджог, только кто мог такое сделать? Может, она сама стащила спички и уронила одну? Но тогда почему она мирно лежала в постели, и в ее разжатых ладошках ничего не было?..

Мать опустила рядом с сыном и осторожно коснулась его волос. Колька не поднял головы, но знал, что это могла быть только она.

– Не убивайте меня, – пробормотал он сквозь слезы, – я не виноват... я же так любил ее...

– Я знаю, сынок. Это я виновата, а ты сделал все, что мог...

На другом конце села, куда Сашка увел компанию показывать пистолет, всего этого шума не было слышно, и только, когда вздымая пыль, по улице пронеслась пожарная машина, пацаны поняли, что происходит что-то интересное. Ржавая железка сразу потеряла привлекательность, и выбравшись из громадных, как тропические лотосы лопухов, вся ватага сорвалась с места.

Деревня опустела. Только у Колькиного дома толпился народ, и стояла красивая красная машина, блестя сложенной лестницей и никелированными бамперами. Сашка вдруг вспомнил странный «голос с небес»; не задумываясь, зачем это делает, он стал отставать и, в конце концов, сломя голову, бросился к своему дому.

Дверь оказалась подперта лопатой, и кто-то с силой барабанил в нее изнутри. Сашка отбросил лопату. Дверь распахнулась. В проеме стоял разъяренный отец, всегда в это время приходивший обедать.

– Ах, ты, шпанюга! – он схватил Сашку за ухо, – я тебе покажу, как с отцом шутки шутить!

– Это не я, папка! – завизжал Сашка, пытаюсь вырваться.

– Саша, зачем ты врешь? – послышался невозмутимый голос матери (она работала учительницей и считала, что дети, как зеки – они способны на все, и при этом всегда говорят, что не виновны), – за свои поступки, Саш, надо отвечать.

– Сейчас он у меня ответит!.. – громыхнул отец.

Сашка почувствовал, как взлетает в воздух, потом плавно опускается, и тут же его худенькое тельце сжали могучие отцовские колени; противно звякнула пряжка ремня.

– Честное слово, это не я!.. – он судорожно рыскал руками, пытаюсь ухватить вмиг соскочившие трусы, хотя из опыта знал, что это бесполезно, – не надо, папка!.. – Сашка громко заплакал, весь сжался, готовясь к неизбежному... но вдруг колени ослабли, и он упал. Сверху возвышалась огромная фигура отца с уже занесенным ремнем – только рот его был приоткрыт и глаза сделались круглыми, как у рака. Опасливо скосив взгляд, Сашка увидел, как из кухни медленно выплывает табурет; плавно вращаясь вокруг оси, он остановился посреди веранды и потом, подскочив в воздух, ударился об пол с такой силой, что рассыпался на части.

– Господи, спаси и сохрани!.. – пробормотала мать, которая никогда не верила в Бога.

– Что за чёрт?! – отец выпрямился, не расставаясь с ремнем, но Сашка был уже забыт (на четвереньках он быстро отполз подальше от грозного орудия воспитания, и встал; по инерции еще всхлипывая, неловко натянул трусы одновременно со штанами).

В это время за спиной раздался звон разбитого стекла и большой кусок угля упал посреди веранды вместе с осколками.

– Ну, держитесь!.. – отец бросился к двери, но она вновь оказалась заперта.

Новый камень точно угодил в другое окно.

– Всех поубиваю, сволочи!.. – взревел отец всей массой обрушившись на дверь, но она не поддавалась – все в их доме было сделано на совесть.

Готовясь к новому «штурму», отец пристально осмотрел веранду. Его грудь тяжело вздымалась, лицо покрылось потом, а глаза стали безумными, как у разъяренного быка.

– Папка, я могу вылезти в окно, – робко предложил Сашка.

– Да?.. – отец перевел на него бессмысленный взгляд, но потом сообразил, о чём речь, – давай, сынок, – сказал он совсем другим, почти ласковым голосом, – ты только глянь, кто это хулиганит. Я всем им ноги повыдергиваю, ты ж меня знаешь.

Сашка, действительно, знал, что перед отцом, много лет ворочавшим в кузне тяжелые раскаленные болванки, расступались все мужики – особенно, когда он чуть выпивал и шел «гулять» по деревне. Ох, как он гордился им тогда!.. Хотя он почти всегда им гордился – ну, за исключением случаев, когда за серьезные провинности отец снимал с него штаны и порол ремешком – тогда он, наоборот, мечтал, чтоб кто-нибудь намял отцу бока, но такого еще никогда не случалось.

Сашка выскользнул из объятий матери, которая тут же сложила руки на груди и зашептала что-то невнятное. В это время вылетело стекло в комнате. Не мешкая, Сашка подбежал к одному из разбитых окон и легко вскочив на подоконник, спрыгнул вниз.

– Сынок, осторожно, – услышал он отцовский голос, – только глянь, кто это...

Пригибаясь, Сашка миновал двор, выскочил за калитку, где лежал привезенный две недели назад уголь, и... никого не увидел – улица, насколько хватало глаз, была пуста.

– Здесь никого нет! – крикнул он.

– Дверь открой! – глухо отозвался отец.

Сашка вернулся во двор и увидел, что на этот раз она подперта бревном – одним из тех, что отец заготовил для новой бани. С трудом оттащил бревно в сторону.

– Папка, готово.

Отец шагнул за порог и остановился. Вокруг стояла тишина, нарушаемая только разноголосыми петушиными криками. Но неожиданно в воздухе засвистело, и очередной «снаряд» врезался в очередное окно. Оба бросились к калитке. У кучи по-прежнему никого не было, а следующий кусок угля сам собой поднялся в воздух, перевернулся, словно подбрасываемый чьей-то невидимой ладонью, и с невероятной скоростью полетел в сторону дома. Выпучив глаза, отец сделал два шага назад. Раздавшийся звон стекла уже не производил впечатления после увиденного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.